

М.И. Воейков

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ОЦЕНКИ И ПЕРЕОЦЕНКИ

1. Введение

Как то Леонид Иванович Абалкин, вспоминая полузабытого сегодня академика А.М. Румянцева¹ как крупного деятеля политической экономии социализма, заметил: «Меня волнует и беспокоит больше всего - это попытка в очередной раз создать пустыню в истории отечественной мысли. Мы не раз этим занимались. Мы помним о горьких уроках прошлого. Но сегодня хотим устроить очередную пустыню, вычеркнув несколько десятилетий в развитии экономической, философской, социологической мысли в нашей стране. Это - очень опасная затея».² Вот сегодня и вычеркнули политическую экономию социализма, которую в нашей стране можно датировать с конца XIX века, с работ М.И. Туган-Барановского, хотя как сообщает М.Г. Покидченко, официальное признание политической экономии социализма произошло в 1936 году (*Покидченко, 1998, с. 545*). Правда, в конце XIX – начале XX веков такого термина еще не было, но обсуждение экономических проблем «лучшего будущего» достаточно активно уже шло в научной литературе. (См.: *Буглаков, 1903; Богданов, 1918; Туган-Барановский, 1905, 1912, 1918; Чернов, 1908* и др.).

К сожалению, после революции 1917 года уже в 20-е годы многих экономистов конца XIX – начала XX вв. вычеркнули и забыли. Конечно, М.И. Туган-Барановского вычеркнуть и забыть было сложно, но В. Дмитриева, А. Кауфмана, А. Чупрова и некоторых других забыли основательно. Затем уже в 40-50-е годы «забыли» многих выдающихся экономистов 20-х годов: В. Базарова, В. Громова, Н. Кондратьева, Е. Преображенского, И. Рубина, Е. Слуцкого, А. Чаянова, Г. Фельдмана и др. Да и сегодня, кроме Н. Кондратьева и А. Чаянова других вспоминать не спешат. Хотя почему-то вспомнили А. Шторха и еще 2-3 фамилии людей, которые скорее занимались компиляциями, чем оригинальным научным творчеством. Зато сегодня упорно вычеркивают таких деятелей советской поли-

¹ Пожалуй, единственным исключением сегодня можно считать «круглый стол», проведенный Институтом экономики РАН совместно с Институтом социологии РАН. (См.: *Социология и экономика, 2005*).

тической экономии как В.Г. Венжер, Л.М. Гатовский, Я.А. Кронрод, В.В. Новожилов, А.И. Ноткин, Н.А. Цаголов и др. Как сказано, это очень опасная затея – кого будут вычеркивать завтра?

Известно, что советская политэкономия состояла из двух частей: политэкономии капитализма и политэкономии социализма. Сегодня по этому поводу существуют разные оценки. Наиболее распространенная (и к которой с рядом оговорок склоняется автор доклада) состоит в следующем. Политэкономия капитализма в целом изучала реальные экономические процессы, имевшие место в капиталистических странах Запада, там все же был предмет для изучения. Политэкономия социализма изучала неизвестно что. Но ведь она была! Что она изучала? Конечно, можно сказать, что она изучала советскую экономику, но это сказать мало. Была ли советская экономика экономикой социалистического общества? Вот в чем вопрос. Ведь политэкономическое изучение – это не столько аналитическое знание, а по преимуществу онтологическое. Политэкономия призвана объяснять существенное в экономическом бытии и формулировать оценочные суждения. А советское бытие еще ждет своего научного объяснения, в отличие от экономического бытия капиталистических стран. Хотя и в той и другой политэкономии было много схоластики и болтовни, официальной идеологии и ложной фразеологии и т.д. и т.п., но разобраться во всем этом пора.

Думается, что понять и оценить сегодня труды советских ученых о политэкономии капитализма легче и проще. Если отбросить просто пустые и конъюнктурные произведения, то серьезные труды в этой области можно расценивать как более или менее полный пересказ и обобщение достижений западной экономической мысли. Но даже и эти хорошие и честные книги часто подвергались жесткой критике со стороны блюстителей «чистоты марксизма-ленинизма». В пример можно привести прекрасную книгу Е.С. Варги «Очерки по проблемам политической экономии капитализма» (М., 1964), которую, несмотря на высокое академическое положение автора, пытались ошельмовать в советской печати.

Но особый интерес, конечно, представляет политическая экономия социализма, которую кому-то хотелось бы выбросить и забыть. Но не получается. Тоже вопрос – почему? Потому ли, как считает В.А. Медведев, что «политическая экономия социализма имеет право на существование в том виде, в каком это соответ-

² Наука и власть. Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов. М., 2001, с. 16.

ствуует современным общемировым реалиям» (*Экономические исследования...* 2000, с. 62). Или потому, что «эта наука полезна для понимания будущего, которое называют постиндустриальным, информационным или даже постэкономическим обществом» (*Бузгалин, Колганов, 2009, с. 667*). Но зачем в постэкономическом обществе экономическая наука во главе с политической экономией?

Конечно, в этой области еще больше было конъюнктурщины и болтовни, не ясен был предмет изучения и т.п., но в тоже время были интересные и содержательные научные постановки и дискуссии. Что это было? Изучить и оценить этот феномен, думается, долг современных политэкономов. Хотя с других методологических позиций, но совершенно верно пишет по этому поводу Хеус Де Сото: «Нельзя просто перевернуть ту страницу в истории, на которой написано «социализм», как если бы крах этой системы никак не повлиял на научные знания человечества. Дело в том, что история экономической мысли значительно пострадала бы, если бы теоретики стали в очередной раз фокусироваться на самых острых из актуальных проблем современности, пренебрегая фундаментальной необходимостью тщательной критической переоценки и изучения существовавших до сих пор аналитических исследований социализма» (*Де Сото, 27*). Правда, этот автор хочет подробнее изучить социализм, чтобы его окончательно похоронить. Но мы торопиться не будем, надо разобраться.

Дело в том, что многие, особенно зарубежные, исследователи советского общества называют его по привычке социализмом, а науку, которая его описывает – «политической экономией социализма». Так все это называлось в советский период. Это было самоназвание. И научная задача состоит в том, чтобы выяснить насколько самоназвание «политическая экономия социализма» соответствует истине. Поэтому использование в данном тексте термина «политическая экономия социализма» носит технический, условный характер, чтобы было ясно, о чем идет речь. А вот что под ним скрывалось в реальности - есть задача научного исследования.

Развитие отечественной экономической теории невозможно без обращения к ее состоянию советского периода и прежде всего к политической экономии социализма как ее составной части. За последние годы появилось несколько публикаций, в которых делается серьезная попытка подойти к оценке советской политической экономии социализма (*Покидченко, 1998; Бузгалин, Корчагина, 2003; Дзарасов и др. 2004; Кирдина, 2006; Маневич, 2010, Ракитский, 2011 и др.*) К сожалению, не все публи-

кации отвечают высоким научным требованиям. Если оставить за рамками рассмотрения откровенно конъюнктурные опусы, то можно обнаружить и немало просто слабых работ, несмотря на то, что их авторы искренне хотели бы разобратся в «блеске и нищете» политической экономии социализма.

2. Возможна ли политическая экономия социализма?

Таким образом, вопрос о политической экономии социализма представляется чрезвычайно трудным. Особенно после многих лет отрицания или забвения советской политической экономии. Сегодня представляется чрезвычайно важным разобратся в той экономической системе, которая была господствующей в России большую часть прошедшего века. А чтобы понять ее, надо понять ее экономическую идеологию, которая формировалась и отражалась политической экономией. Без этого трудно развивать и современную отечественную экономическую теорию, т.е трудно понять современную экономическую реальность.

В официальной советской литературе советское общество называлось “социалистической системой хозяйства”, в зарубежной политологической литературе – “коммунистической системой”. Однако в строго научном смысле назвать “советскую экономическую систему” социалистической, а тем более коммунистической, не представляется возможным. Ибо эта система кроме некоторых внешних параметров и элементов (равенство, экономическое планирование, распределение не по капиталу и т. п.) не соответствовала по многим важнейшим пунктам классическим представлениям о социалистическом обществе: преодоление отчуждения, ликвидация эксплуатации, свобода и демократия больше, чем формальные, социальная справедливость и фактическое равенство и т. п. «Ведь не может быть социализма там, - справедливо считает академик Л.И. Абалкин, - где не решена проблема продовольствия и население не обеспечено жильем, где существует массовый дефицит и карточная система, где отсутствуют демократические институты гражданского общества, а работник отделен от собственности, от экономической и политической власти» (Абалкин, 2005, с. 114).³

Эта система имела и свою идеологию, и свою общественную науку. Хотя справедливости ради надо заметить, что официальная идеология, в том числе от-

раженная в общественной науке, далеко не всегда или не во всем совпадала с реальной идеологией советской экономической и политической практики. То есть, было заметное расхождение между «словом и делом». Название давалось одно, подразумевалось нечто иное, в реальности делалось третье.⁴ Если верить всем самоназваниям, то как во всем этом разобраться? И уже никакая наука не нужна. Остается быть дисциплинированным и слушаться начальства. По этому вопросу более глубокое и фундированное мнение высказал американский историк Р. Даниелс: «Созданный Сталиным после 1917 г. синтез революционной риторики, традиционных ценностей и тоталитарных методов, это его амальгама из социализма, национализма и бюрократии, оставались фундаментом советского политического строя до самого конца» (Даниелс, 2011, с. 425). Таким образом, имея в виду этим несовпадения будем рассматривать советскую экономическую идеологию как функцию политической экономии социализма или того, что скрывалось под этим названием.

Итак, примем допущение, что важное место (с нашей точки зрения) в советской общественной науке занимала политическая экономия вообще и политическая экономия социализма в частности. Конечно, сегодня могут найтись люди, которые с некоторым основанием будут утверждать, что политэкономия социализма была вообще не наукой, а простой (или иногда затейливой) идеологической апологетикой существовавшего режима. В какой-то мере это верно, но только в какой-то мере.

В советской политической экономии социализма существовало несколько течений или направлений, которые пытались усовершенствовать существовавшую экономическую систему и которые никак нельзя отнести к апологетике. Это подтверждают довольно продолжительные и глубокие дискуссии между этими направлениями.⁵ Скептик и на это может ответить, что даже эти направления занимались не наукой, а выдумками, иллюзиями, мифотворчеством. С таким мнением я, конечно, не могу полностью согласиться. Но даже если это и так, то тоже

³ Хороший обзор проблем и различных позиций по теории и практике советского социализма дается А.И. Колгановым (Колганов, 2012).

⁴ Некоторые простодушные исследователи полагают, что название «социалистическое», которое страны соцлагеря давали сами себе, вполне достаточно для анализа их экономик именно как социалистических. «Зачем же искать названия, - пишет например Я. Корнаи, - отличные от тех, которые они давали себе сами?» (Корнаи, 2000, с. 35).

⁵ Два наиболее крупных направления в политической экономии социализма будут детально рассмотрены ниже.

нет ничего страшного. Как известно из истории, создание мифов, мифотворчество было первым шагом человечества к познанию самого себя, первым шагом к науке.

Есть еще одна методологическая трудность. С научной точки зрения такой науки как политическая экономия социализма быть не может. Это *contradictio in adjecto* (противоречие в определении). Политическая экономия изучает буржуазное общество, представляет анатомию гражданского общества и ничего больше. Эта позиция была преобладающей в советской литературе первой четверти XX века.

Вот что в этой связи писал Н.И. Бухарин, будучи одним из ведущих теоретиков большевистской партии: «Теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т.е. наука о неорганизованном социальном хозяйстве... Конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии» (*Бухарин, 1990, с. 82-83*). А вот что писал теоретик меньшевистской партии И.И. Рубин по этому вопросу: «Политическая экономия изучает определенную экономическую формацию общества, а именно товарно-капиталистическое хозяйство» (*Рубин, 1929, с. 5*). Казалось бы, после «пролетарской революции» 1917 г. в СССР нет места для политэкономии. И поначалу ее не было. Однако в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в СССР придумали формулу о «политической экономии в широком смысле», что позволило сохранить ее, а заодно и политэкономов в советском социализме.

Действительно, тут была проблема. С одной стороны, в советской жизни сохранялись все основные категории рыночной экономики (товар, деньги, цена, кредит и т.д.), которые изучает и объясняет политэкономия. С другой стороны, собирались строить коммунизм, где не будет товарного производства и рыночных категорий и, стало быть, политэкономия не нужна. Как соединить социализм и рынок, равенство и товарное производство? Поэтому и запустили в оборот формулу о политэкономии в широком смысле, т.е. о науке, которая с равным успехом изучает общие экономические законы, «свойственные всем общественным формациям» (*Пашков, 1973, с. 474*). Выходит, что есть какие-то экономические законы, которые действуют, например, в рабовладельческом и коммунистическом обществе в равной мере. Однако никто из советских экономистов никаких «общих законов, свойственных всем общественным формациям» политической экономии так до сих пор и не продемонстрировал. По мнению советских марксист-

ских интеллектуалов 20-х годов (Н. Бухарина, Е. Преображенского, И. Рубина и др.) это был нонсенс. Но советских марксистов, которые так думали, расстреляли в конце 1930-х гг. И до конца существования СССР в этом вопросе все было ясно и спокойно. Теперь другой расклад. Теперь можно вполне свободно подвергнуть сомнению тезис, что в обществах с принципиально различной экономикой может действовать один и тот же экономический закон. В чем же тогда их принципиальное отличие? Стало быть, можно поставить под сомнение «политическую экономию социализма» - наука это или миф?

Центральное место в обсуждении этого вопроса занимает дискуссия 1925 г. в Комакадемии. Об этой дискуссии в советский период довольно много писали, еще больше о ней упоминали, превратили ее в легенду советской политэкономии.⁶ Но, как правило, все исследователи этого периода, писали, что правильную, т.е. «марксистскую» позицию там заняли кроме докладчика, еще один или двое участников. Все остальные, включавшие крупнейших марксистских идеологов того времени (например, Н.И. Бухарина, Е.А. Преображенского и др.) выступали с «неправильных» позиций, за что в советский период эти идеологи считались плохими марксистами. По сути дела, все участники дискуссии кроме самого докладчика (И.И. Скворцова-Степанова) и историка М. Покровского держались, по мнению советской литературы, «неправильной», «немарксистской» точки зрения. И тем не менее делался очень странный вывод, что эта дискуссия послужила первым шагом к формированию правильного вывода о политической экономии в широком смысле.

Чем важна эта дискуссия сегодня? Тем, что она возвращает нас на исходные позиции развития политической экономии в России, после которых уже в конце 1920-х годов был взят принципиально неверный курс на политическую экономию социализма. Поэтому, чтобы понять место и функции политической экономии в современном общественном сознании, надо переосмыслить и переоценить ту дискуссию.

Вместе с тем, формула о политической экономии в широком смысле слова давала надежду на существование этой науки в советском социалистическом обществе. Когда, в начале 1920-х годов сочли, что политическая экономия не нужна в строительстве социализма, у многих политэкономов появилась некоторая раз-

двоенность, интеллектуальная неуютность. Как же так! С одной стороны, политическая экономия хорошая наука, которая как никакая другая способна объяснить экономический процесс, характерный не только для более передовых западных стран, но и для советской экономики. Ведь все 1920-е годы почти официально экономический строй в СССР назывался государственным капитализмом и все товарно-денежные категории (товар, деньги, цена, кредит и т.п.), традиционные для классической политической экономии, активно использовались в реальной жизни. С другой стороны, надо отказываться от этой науки, потому что неуклонно приближается социализм (коммунизм), где отношения между людьми не будут опосредоваться вещами. А ведь тогда не вызывало возражений марксистское положение, которое Рубин сформулировал так: «Политическая экономия как наука о товарном хозяйстве имеет дело с вещными категориями» (*Рубин*, 1929, с. 45). Социалистические отношения теряют вещную оболочку, а значит, теряют свое содержание и смысл традиционные товарно-денежные категории. Значит, должна терять смысл и политическая экономия. Все логично. Но в реальной жизни и в 1920-х годах, и в 1930-х и дальше люди все-таки зависели и зависят от вещей и их производства. Такие категории как стоимость, товар, цена и т.п. продолжают играть существенную роль. Без них невозможно представить нормальное функционирование даже планового советского хозяйства. Тут как нельзя кстати и подвернулась формула о политической экономии «в широком смысле». И, видимо, многие искренне ухватились за эту формулу, оправдывающую их многолетнюю деятельность и даже существование как политэкономов в советском социализме. В общем и целом это понятно.

Как бы ни было, приходится исходить из непреложного факта существования политической экономии социализма с ее школами, дискуссиями и творцами. Все это было. Трудность состоит в том, как все это оценить сегодня. Но чтобы двигаться дальше, т. е. развивать отечественную экономическую теорию, нам надо проанализировать и оценить прошлую теорию. Оценив теорию, затем будет легче понять особенности общественного строя, который более чем 70 лет существовал в нашей стране. Еще в свое время А.И. Герцен писал: «Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого – раскрываем смысл будущего; глядя назад – шагаем вперед; наконец, и для того по-

⁶ См. работы: (*Маневич*, 1970; *Широкопад*, 1974 и 1983). Современное представление об этой дис-

лезно перетрясти ветошь, чтоб узнать, сколько ее истлело и сколько осталось на костях» (Герцен, 1985, с. 98). Так вот и посмотрим, что «истлело и сколько осталось на костях» советской политэкономии.

3. Аксиологическая традиция в российской политэкономии

Итак, признаем факт существования советской политической экономики социализма как непреложный. Даже, несмотря на то, что, на мой взгляд, социализма в точном научном понимании у нас не было. Однако, здесь надо сделать две оговорки. Первая касается довольно широко распространенного взгляда на то, что у нас все же был социализм, но в искаженном или первоначальном виде. Вторая - касается того взгляда, что не может быть науки того, чего нет в реальности.

Относительно первой. Я считаю, что социализма в том виде, который вытекал из классического марксизма у нас не было и не могло быть. Не было и никакого первоначального социализма. Главный аргумент состоит в том, что производительные силы российского общества, экономический базис его был явно недостаточен даже для первоначального социализма.

Россия в начале XX века никак не могла прежде европейских стран приступить к социализму, ибо капитализм здесь только начинал развиваться. Все это, конечно, не значит, что экономика и культура страны не развивались. За годы советской власти многое удалось сделать, удалось превратить полуколониальную царскую Россию во вторую сверхдержаву мира. Это бесспорно. Но при всем при этом, СССР серьезно отставал от многих европейских стран не только в обеспечении материального благосостояния народа, но и в качественных показателях промышленности и эффективности всей экономики.

Другое дело и другой вопрос, что у нас были элементы социалистичности и в ряде случаев довольно существенные, но это в целом не меняло дела. В Швеции тоже имеются довольно значительные элементы социализма. Таким образом, сделаем вывод, несмотря на то, что Советский Союз официальными властями объявлялся страной социализма, последнего тут не было и не могло быть. Это, конечно, создает большие трудности в выяснении того, что же здесь было, в том числе и с политической экономией социализма. Но об этом дальше.

Относительно второй. Действительно, трудно представить науку, которая изучает то, чего нет в реальности. Л.В. Никифоров на одной дискуссии 2000 г. воскликнул: «Была ли наука-то? Вот первый вопрос, который возникает. Думается, наука (имея в виду политическую экономию) была, при всех ущербных направлениях, которые в ней наблюдались. Конечно, сформировалась несоциалистическая система» (*Экономические исследования...*, 2000, с. 89). Л.И. Абалкин в этой связи пишет: «Поскольку отсутствовал предмет политической экономии социализма, то не могло быть и науки о том, чего не было» (*Абалкин*, 2005, с. 115). Но ведь были же серьезные ученые-исследователи в этой области. Да и сам Л.И. Абалкин именно в тот период написал ряд глубоких книг по политической экономии социализма, которые в наши дни (в 2000 г.) переиздал в своем четырехтомнике. Например, книга Л.И. Абалкина «Политическая экономия и экономическая политика» (М., 1970) до сих пор имеет большое эвристическое значение, еще плохо оцененное критикой. Но это к слову.

Но с теорией социализма случай особый. Социалистическая мысль появилась задолго до того, как возникли какие-либо предпосылки социализма. Если оставить в стороне утопические сочинения, а взять период, начиная с марксистской разработки вопроса⁷, то обнаружим, что имеется довольно обширная научная литература, где серьезно обсуждаются различные проблемы социализма. Я имею в виду не только сторонников социализма, но и противников. Скажем, труды Л. Мизеса или Ф. Хайека, посвященные критике теории социализма, представляют собой нормальные научные произведения. А ведь критика теории как раз и есть ее развитие. Значит, если самого социализма нет, то наука о нем уже существует много десятилетий и насчитывает многие сотни, если не тысячи, серьезных научных сочинений.

Более того, по многим представлениям социализм не приходит в мир каким-либо стихийным образом, а сознательно вырабатывается обществом. Это вытекает прежде всего из классического марксизма и из работ почти всех других социалистических мыслителей. Например, возьмите работы М. Туган-Барановского, Н. Бердяева, «социальную инженерию» К. Поппера и др. Поэтому в данном случае можно говорить, что социальная наука социализма (и политэкономия социа-

⁷ В данном тексте рассматриваются исключительно марксистские версии социализма (а их тоже много), ибо все советские сочинения по политической экономии социализма были выполнены именно в этой парадигме.

лизма в том числе) это наука о том что будет, а не о том что есть. Можно даже сказать, что социализм это наука о будущем обществе, о будущем общественном устройстве.

Это достаточно важный момент. Он характеризует сложившуюся методологию отечественной общественной, в том числе экономической науки, которая полностью сохранилась и до сегодняшнего дня. Суть дела состоит в том, что почти все серьезные экономические сочинения советского периода были написаны в нормативном плане, т. е. содержали некие оценки или предложения по улучшению тех или иных сторон экономической системы.⁸ Просто описательные работы, выполненные, как сейчас говорят, в дескриптивном методе не считались достаточно научными.

Широкое использование оценочных суждений в отечественном общественном вознании восходит к давней русской традиции “субъективного метода” в общественных науках, когда оценивали действительность с точки зрения идеала. “Мы, - писал Н. Михайловский, - не можем общественные явления оценивать иначе, как субъективно” (цит. по: *Кареев*, 1996, с. 67). Более того, В. Чернов вообще полагал, что социалистическое общество должно строиться на основе научно разработанной и детально обсужденной программы преобразований. И в этой связи он резко критиковал большевиков за то, что у них не только не было такой программы, но и что они принципиально отрицали необходимость такого предварительного проекта будущего общества (*Чернов*, 1997). Большая роль аксиологического подхода в русской общественной мысли была замечена давно. Еще В.В. Зеньковский писал, что использование в познании оценочного момента есть «одна из коренных особенностей русской мысли вообще – сплетение теоретического и аксиологического (оценочного) подхода к бытию» (*Зеньковский*, 1991, с. 83).

Таким образом, в случае социализма можно говорить об общественной науке того, что на сегодняшний день еще не имеется. Мы можем повторить за современным российским философом В.М. Межуевым, что научный социализм – это «не фаза, не ступень будущего общества, а теоретическое выражение», «научная теория историко-экономического развития» (*Межуев*, 1999). Таким образом, под словами «политическая экономия социализма» следует понимать политическую

⁸ Н.П. Федоренко в одной из книг специально указывал на необходимость «усиления нормативного характера экономической науки» (*Федоренко*, 1990, с. 42).

экономии или экономическую теорию, которая описывала будущее советское общество и пыталась «конструировать» его в определенном смысле.

4. «Отцы основатели» советской политэкономии

Без обращения к основам зарождения и формирования советской политэкономии и политэкономии социализма, в частности, трудно понять особенности и смысл основной дискуссии среди советских политэкономов в послевоенное время (1960-1980 гг.). Здесь в полной мере применима сформулированная П.Н. Клюкиным концепция «возвратной традиции», когда интенсивное развитие получают теоретические положения, высказанные ранее, но не получившие адекватного развития в то время (Клюкин, 2012). На мой взгляд, основателями советской политической экономии являются два человека: Исаак Ильич Рубин (1886-1937) и Евгений Алексеевич Преображенский (1866-1937). Рубин создал основы методологии советской политэкономии, показывал и доказывал ее позитивистский характер. Преображенский заложил начальные подходы и концепции нормативного характера политической экономии социализма. Идеи и концепции этих двух выдающихся экономистов присутствовали почти во всех основных дискуссиях советских экономистов все последующие годы, как правило, без упоминания их имен. Или даже сопрягаясь с их уничижительной критикой. Но именно Рубин и Преображенский создали основы двух основных направлений в советской политэкономии. Рубин с его позитивистским подходом – то, что потом вылилось в реальное направление; Преображенский с его плановым началом («закон первоначального социалистического накопления») – в социальное направление. И так, «отцы основатели».

4.1.И.И. Рубин

Из большого многообразия проблем, которым занимался Рубин, выберем лишь две, которые находились в центре экономических дискуссий советского времени. Это проблемы предмета политической экономии и теории стоимости. Начнем со стоимости, центральной категории политической экономии. И так, что же по этому поводу писал Рубин. В своих «Очерках по теории стоимости Маркса» он писал: «В товарно-капиталистическом хозяйстве производственно-трудовые отношения между людьми неизбежно принимают форму стоимости вещей и

только в этой вещной форме и могут проявляться» (Рубин, 1929, с. 57). Уже в этом можно видеть тяготение Рубина к социальной версии стоимости, понимание стоимости не как суммы издержек по производству, а как социального отношения, аккумулирующего все аспекты рационального экономического поведения человека.

Многие критики Рубина упрекали его в том, что он отрывает стоимость и, следовательно, производственные отношения от материально-технической базы, от конкретного труда в материальном производстве. И действительно, социальная версия стоимости в своем последовательном развертывании отрывается от фактических затрат физического труда (от своей технической предпосылки) в конкретном производстве. Именно последнее было характерно для механистической версии стоимости, против которой много и убедительно боролся Рубин. Но его критики были правы, когда обвиняли социальную версию и Рубина в том, что он приближается к маржиналистской теории предельной полезности.

В дискуссии 1920-х гг. столкнулись две версии трудовой теории стоимости: социальная, учитывающая общественную потребность (полезность) и механистическая, сводящая стоимость к фактическим затратам труда (См.: *Борилин, Леонтьев, 1929* и *Бессонов, Кон, 1930*). Это была очень интересная дискуссия, где социальная версия очень близко подошла к теории предельной полезности, но при этом не покидала рамок марксистского анализа.⁹ Эти две версии или линии в трактовке стоимости подспудно боролись в русской экономической литературе почти весь XX век. Все это имело практическое значение для нормализации ценообразования в советской экономической системе. Стоял практический вопрос: как надо делать цены в безрыночном хозяйстве. Многие тогдашние экономисты считали, что цены надо делать на основе фактических затрат труда на изготовление определенного продукта. Так было проще и понятней. Общественно необходимые затраты труда (ОНЗТ) они понимали как фактические затраты, которые в принципе можно подсчитать. В Академии наук в 1960-е годы была даже создана специальная комиссия под председательством академика В.С. Немчинова по расчету стоимости. Но так ничего и не подсчитали. Участники дискуссии по проблемам ценообразования стремились подкреплять свои позиции различной интерпретацией теории стоимости Маркса. При этом они или не читали или не обратили вни-

мания на следующие слова Рубина, обращенные почти прямо к ним: «Указанные экономисты не могли освободиться от ошибочного представления, давно свившего себе гнездо в политической экономии и приписывавшего теории стоимости совершенно несвойственную ей задачу нахождения практического мерила стоимости. В действительности теория стоимости имеет совсем другую задачу, теоретическую, а не практическую. Нам незачем искать практическое мерило стоимости» (Рубин, 1929, с. 109). Но в советской экономике как бы рынка не было, т.е. не было рыночного уравнения товаров. А цена и ценообразование было и надо было все это обосновывать теорией стоимости Маркса. Конечно, из текстов Маркса можно вытягивать многое, потому-то рубинцы и механисты вытягивали совершенно различные вещи именно из одних и тех же текстов Маркса.

Итак, две линии или версии стоимости (социальная и механистическая) до сих пор сидят в головах отечественных ученых и никак не могут примириться.¹⁰ Так, например, если с точки зрения механистической школы, чтобы стать современным ученым, надо дополнять теорию стоимости Маркса теорией предельной полезности, ибо согласно этой версии, у Маркса доминируют фактические затраты труда без учета социальной потребности (полезности) продукта. С точки зрения социальной версии ничего дополнять не надо, ибо трудовая теория стоимости Маркса уже включает в себя момент социальной полезности товара. С точки зрения социальной версии стоимости она там уже есть. В работах некоторых ученых из ЦЭМИ эта версия уже в 1970-е годы получила довольно значительное представительство (см.: *Петраков*, 1975). Так что, эта социальная версия стоимости в теории Маркса уже «сидит». И это стало ясно после работ Рубина. Хотя позиция Рубина в дискуссиях 20-х годов была отвергнута. В данном случае Рубин, хотя теоретически был прав, потерпел поражение. Почему?

Попробуем ответить на этот вопрос – почему социальная версия стоимости Рубина, несмотря на свою теоретическую правоту, потерпела поражение в дискуссии с механистической версией. На мой взгляд, главным образом потому, что Рубин, понимая стоимость как социальную форму вещных отношений, не сводил ее к фактическим затратам индивидуального труда, к натурализации экономиче-

⁹ Рубин про сторонников механистической версии стоимости писал: «Они совершенно не поняли качественной, социологической стороны марксовской теории стоимости» (Рубин, 1929, с. 67).

¹⁰ А.Д. Некипелов сравнительно недавно признал, что «полный отказ от трудовой теории стоимости мне как ученому, получившему марксистское образование, дался с большим трудом» (*Некипелов*, 2008, с. 10).

ских отношений и, соответственно, натуральным пропорциям распределения общественного труда. А советская хозяйственная действительность, особенно второй половины 20-х годов требовала натурализации. Переход к ускоренной индустриализации и мобилизационной экономике в целом требовал ограничения рыночного саморегулирования, выхолащивания товарно-денежных отношений, низведения денег, цены и других экономических категорий к простым учетным единицам.

Советская идеология, отворачиваясь от реальности, твердила о социальной однородности труда, социальном равенстве в советском социализме. При этом почему-то не отрицалась марксистская экономическая теория, которая по справедливому замечанию Рубина «заранее предполагает классовое неравенство капиталистического общества» и «логическая структура политической экономии, как науки, отражает социальную структуру капиталистического общества» (Рубин, 1929, с. 81). И только рынок через стоимость уравнивает частных товаропроизводителей. Социальное уравнивание труда в акте рыночного обмена не приводит и не может приводить к социальному равенству. Ибо достижение социального равенства в капиталистическом обществе сделало бы ненужным меновой акт и остановило бы экономический процесс. Участники рыночного процесса формально равны политически, как граждане, но сам рыночный процесс ведет к фактическому экономическому неравенству и стало быть к последующему социальному неравенству. Т.е. в данном случае можно говорить о формальном социальном равенстве в буржуазном обществе и фактическом социальном неравенстве. Интересно это сравнить с постановкой Я.А. Кронрода о формальном равенстве производителей при социализме («отношения непосредственно общественной коллективности») и фактическом неравенстве этих же производителей («неравное присвоение – использование»). (Кронрод, 1966, с. 359). Тем самым из формулы Кронрода, который по сути повторял основное положение Рубина, можно было делать вывод о существовании буржуазного общества в СССР. Тем более, что вся концепция Кронрода была направлена на доказательство необходимости рынка и рыночного регулирования в советской экономике.

Теперь рассмотрим вопрос о предмете политической экономии. Что изучает политическая экономия? Сначала полагали, что она изучает богатство народов,

все народное хозяйство, всю экономическую систему. Постепенно, по мере дифференциации экономических наук стали суживать и предмет политической экономии. Дело дошло до постановки вопроса – а есть ли вообще место политической экономии в системе экономического знания? Таким образом, до сих пор консолидированного мнения большинства специалистов о предмете политической экономии нет. Особенный разброд и живые дискуссии по этому вопросу были среди советских экономистов. И думается, правильным будет сказать, что законодателем моды в этом деле оказался Рубин. Более того, он прояснил многое такое, что в 20-х – 60-х гг. прошлого века было не очень интересно и понятно, а сегодня стало чрезвычайно актуально.

Рубин писал: «Политическая экономия изучает трудовую деятельность людей не со стороны ее технических приемов и орудий труда, но со стороны ее социальной формы. Она изучает производственные отношения, устанавливающиеся между людьми в процессе производства» (Рубин, 1929, с. 31). При этом, как следует уже из приведенной цитаты, Рубин не отбрасывал и производительные силы: «Для нас в политической экономии непосредственным объектом исследования являются производственные отношения людей. Предпосылкой же нашего исследования являются материальные производительные силы». И подчеркивал, что слово «предпосылка» не противопоставляется нами слову «движущая причина» (Рубин, 1929, № 4, с. 83). Его оппоненты, не замечая нюансов, парировали, что по Рубину «производительные силы – не содержание общественной формы, а ее *предпосылка*». Но у Рубина слово «предпосылка» относится к исследованию, а не к самим производственным отношениям. Бессонов же этого не заметил или не понял.

Позиции Рубина, которая более адекватно отражала классическое марксистское представление о предмете политической экономии, противостояло так называемой механистическое направление. Представители последнего утверждали, что «политэкономия изучает материальное производство в его социальной форме, т.е. единство содержания и формы». (Бессонов, 1929, с. 234).¹¹ На что Рубин отвечал следующим образом: «Для объяснения изменений производственных отношений людей мы должны искать соответствующую причину в материальном процессе

ханистическую версию стоимости, обычную для большинства советских экономистов.

производства. Но непосредственным предметом нашего исследования в теоретической политической экономии остаются производственные отношения людей» (*Рубин*, 1929, № 4, с. 88). Очень разумная и четкая позиция. Но критики выхватывали вторую фразу и обвиняли Рубина в идеализме.

По этому поводу возникла известная дискуссия, которая шла с различной интенсивностью почти весь советский период. В частности, Я.А. Кронрод, анализируя эту дискуссию, писал: «В итоге дискуссии были преодолены обе рассмотренные ошибочные концепции и советские экономисты развили и обосновали в целом правильный взгляд на политическую экономию как науку, изучающую производственные отношения в их неразрывной связи с производительными силами и обусловленности развития первых развитием последних» (*Кронрод*, 1966, с. 17). Надо сказать, что эта формулировка существенно ближе к рубинской, если не простой ее перефраз, и достаточно точно передает смысл позиции Рубина. Поэтому не получилось «борьбы на два фронта» как того требовали некоторые рьяные охранители марксизма-ленинизма. Победил Рубин.

Почему так рьяно шла эта дискуссия? Объяснение мне видится в следующем. Рубин, отстаивая формулу производственных отношений как социальную форму, выводил материально-техническую сторону производства из сферы интереса политической экономии. Политическая экономия, таким образом, сводилась к тому, чем, например, сегодня занимается социология. Экономико-технологический, собственно, производственный мотив из нее выхолащивался. Это вело к обвинениям Рубина в идеализме, в увлечении формой без содержания, отрыве от материализма и т.п. Так, С. Бессонов писал, что политическая экономия по Рубину превращается в «на редкость чистую "социологическую" науку об абсолютно чистых и абсолютно социальных отношениях» (*Бессонов*, 1929, № 1, с. 144). А ведь все советские экономисты и прочие ученые в 1920-е гг. должны были быть материалистами. Поэтому Рубин начинал употреблять более сложные фразы и логические конструкции, и что называется, выкручивался. От него и пошла формула, что политическая экономия изучает производственные отношения в связи с развитием производительных сил. Вот цитата Рубина: «Политическая экономия изучает производственные отношения людей в их взаимодействии с производи-

¹¹ Любопытно, что и сегодня порой можно встретить эту формулу 1930-х гг. Например, в недавно выпущенном учебном пособии прямо сказано: «Объектом изучения политической экономии является, прежде всего, материальное производство» (*Толкачев*, 2009, с. 11).

тельными силами общества» (Рубин, 1929, с. 308). Хотя эта формула получила довольно широкое распространение в советской политэкономической литературе (см. выше у Кронрода), но она достаточно бессмысленная формула. Ведь и так ясно, что производственные отношения есть лишь форма производительных сил и, стало быть, изучая первые никак нельзя игнорировать вторые. Наука, которая изучает растения, не может игнорировать почву, на которой возрастает это растение, но почву изучает другая наука.

Итак, победил Рубин. Однако к этому моему выводу о победе Рубина у информированного читателя могут быть серьезные вопросы. Ведь в вопросе о стоимости концепция Рубина потерпела поражение, а в вопросе о предмете политической экономии вдруг победила. Но ведь факты говорят именно это. Значит, остается ответить на вопрос: почему? Объяснение видится в следующем. Социальная версия стоимости Рубина потерпела поражение потому, что в советском хозяйстве возобладал натуральный подход, товары превратились в продукты, деньги в учетные квитанции, равновесие достигалось не на рынке, а в плане, т.е. на бумаге. Но политическая экономия не может изучать натуральные пропорции, производительные силы сами по себе, потребительную стоимость как таковую. Политическая экономия изучает социальную форму производственного процесса. Но вещная, товарно-капиталистическая форма была неприемлема для советской идеологии. В этих условиях было бы проще запретить политэкономии и забыть о ней, но в жизни ведь были реальные политэкономические категории (товар, деньги и т.д.), которые надо было как-то объяснять. Поэтому сохраняли политическую экономии с ее традиционным предметом исследования в рубинской трактовке, как самой удачной. Но реальное содержание политической экономии свели к изучению производительных сил и организационно-экономических отношений. От всего этого в советской действительности бытовала двойственность: в теории одно, на практике – другое.

Заслуга Рубина в этом вопросе состоит в том, что он обратил внимание на очень сложную диалектическую связь производительных сил и производственных отношений и указал, что новые производственные отношения (новая социальная форма) наследует что-то от старых отношений.

Подспудно или имплицитно в этом расхождении между Рубиным и его оппонентами (марксистами-ленинцами) лежала проблема отделения производственных отношений молодого советского общества от старых отношений дореволю-

ционной России. Оппоненты хотели доказать (показать), что новые производственные отношения принципиально, по всем параметрам отличаются от старых, их вполне можно называть социалистическими. Рубин же старался показать, что и они наследуют старые, что и в них еще много осталось от старых отношений. Все это усложнялось советской практикой 1920-х гг. По идеи и слов об этом было много, должны были развиваться новые социалистические отношения, а в действительности продолжали существовать старые товарно-рыночные отношения. Рубин эту дилемму пытался как-то объяснить, правда, очень сложно и порой схоластично. Его критики цеплялись за не очень удачные формулировки, примитивизировали позицию Рубина, но логически и теоретически серьезно ему противостоять не могли.

При этом, видимо, чувствуя инородное тело в ровных рядах марксистов-ленинцев, они обвиняли его в антисоциалистических устремлениях. «Нам кажется поэтому, - говорил Бессонов, - что концепция Рубина есть теоретическая база для критики нашего социалистического строительства справа» (*Бессонов*, 1929, № 4-5). И Бессонов в этом пункте был прав. Хотел того Рубин или нет (скорее, конечно, нет), но его виртуозный анализ текстов Маркса действительно составлял теоретическую базу для критики того «социалистического строительства», которым начали заниматься с конца 1920-х гг. Но и Рубин был прав. Он показывал несовместимость классического марксизма с тем, что стало твориться в то время в стране. Его теоретическая конструкция имплицитно была направлена против иллюзий «социалистического строительства».

Влияние Рубина на все последующее развитие политической экономии в СССР было колоссальным. Ведь критика Рубина, продолжавшаяся десятки лет, и была, собственно, свидетельством его влияния и значения для развития отечественной экономической мысли. Критическое рассмотрение многих положений Рубина на самом деле означает научное освоение этих положений, критическое движение вперед в накоплении научного знания. Даже в 60-е и 70-е годы прошлого века многие советские политэкономы, формально отмежевываясь от Рубина, повторяли и воспроизводили его основные положения. Эти же методологические

разработки Рубина заложили основы реального направления в советской политической экономии, центром которого стал Институт экономики АН СССР¹²

4.2.Е.А. Преображенский

Теперь рассмотрим концепцию Преображенского, фундактора другого направления в советской политэкономии.¹³ Размышляя о Е.А. Преображенском и его месте в истории экономической мысли нашей страны, нельзя забывать о том, что он был революционер, убежденный социалист и марксист. Возможно, поэтому в сталинский период он был обруган, оболган, расстрелян и забыт. Тем не менее, все или почти все его экономические построения и конструкции были направлены на выработку модели экономического строительства социалистического общества в условиях господства мелкотоварного, частного сельскохозяйственного производства. Правда, под социализмом он понимал в духе того времени государственный сектор экономики и комплекс мероприятий по его укреплению и развитию. Собственно, такое понимание социализма сохранялось у большинства советских экономистов весь советский период и даже сегодня широко присутствует в соответствующей литературе. Так, центральная категория Преображенского «закон первоначального социалистического накопления» есть по сути дела объективная необходимость мобилизации внутренних ресурсов на определенные цели экономического развития (целевая функция экономического роста), прежде всего на индустриализацию. Этот закон, по мнению Преображенского, является «центральной пружиной всего советского государственного хозяйства» (*Преображенский*, 2008, с. 130). И вот его формула: закон первоначального социалистического накопления «в борьбе с законом ценности», определяет «и распределение средств производства, и распределение рабочих сил, и размеры отчуждения прибавочного продукта страны для расширенного социалистического воспроизводства» (*Преображенский*, 2008, с. 107).

Основная интрига заключалась в противоречивом единстве с законом стоимости (ценности). То есть основная проблема состояла в сочетании рыночно-го императива с целями государственного регулирования экономики. Позднее в

¹² О реальном направлении см.: (*Воейков*, 2000; *Экономические исследования...*, 2000, с. 18-44; *Абалкин*, 2005, с. 412; *Гринберг*, 2010, с. 11).

¹³ Д.В. Мельник высказал верную мысль, что творческое наследие Преображенского «может быть одной из важных отправных точек для реконструкции политической экономии социализма» (*Мельник*, 2011, с. 48).

советской экономической литературе закон первоначального накопления Преображенского стали называть законом планомерного, пропорционального развития (даже сам Преображенский вместо длинного названия этого закона иногда писал «плановое начало»), а проблему, на которую первым указал Преображенский – проблемой сочетания плана и рынка. Правда, Преображенский и для государственного сектора экономики видел известную коллизию между стремлением к прибыльности отдельных госпредприятий и материальной заинтересованностью их руководителей, с одной стороны, и максимизацией накоплений всего государственного хозяйства, с другой стороны.

Коллизия того времени состояла в противоречии государственного хозяйства (которое тогда именовали социалистическим сектором) и частного. После 1921 г. стало ясно, что сразу и непосредственно именно социалистические преобразования проводить невозможно в экономически и культурно отсталой стране. Прежде всего, необходимо было обеспечить ее экономическое развитие, т.е. развитие промышленности, насыщение аграрного сектора машинами, проведение индустриализации и, следовательно, урбанизации. Ничего социалистического в этих требованиях не было. Таким путем шли все основные европейские страны, вступившие на дорогу капитализма на 200-250 лет раньше России. Таким образом, объективная необходимость состояла в том, что неизбежно приходилось развивать по существу буржуазные отношения, как говорил сам Преображенский, «доделывать то, что не доделал капитализм». В этом и заключалась великая загадка России XX века. Суть ее состоит в том, что у власти в стране находилась марксистская, пролетарская партия, которая стремилась строить социалистическое общество. Однако объективная реальность заключалась в том, что надо было развивать крупную машинную индустрию и на ее основе создавать экономически независимое, самостоятельное и самодостаточное национальное государство, т. е. по сути, развивать капитализм. И какую политэкономия в этих условиях можно было сделать? Капитализм и буржуазные отношения требовали для своего объяснения традиционной политической экономии, пропагандой и развитием которой занимался Рубин. Императив «строительства социализма» требовал чего-то иного, что содержательно соответствовало формуле Преображенского.

Проблему несочетаемости капиталистической реальности и социалистического императива прекрасно видел и понимал Преображенский говоря, что «мы имеем огромную опасность». Опасность эта состояла в том, что частный произво-

дитель ведет дело «более выгодно», чем «наше социалистическое хозяйство». Аппарат частного капитала «дешевле, нежели наш, он обращается удобнее и быстрее». В этих условиях «корабль» государственного хозяйства будет все «больше сталкиваться в то русло, на основе конкуренции, по которому он шел бы, если бы во главе стояли рябушинские и коноваловы». Конечно, Преображенский в этом вопросе был не одинок. Ленин также понимал, что в отсталой стране, прежде чем переходить к строительству социализма, нужно иметь некоторый уровень развития капитализма. То есть по необходимости надо строить капитализм и использовать классическую политическую экономию.

НЭП как раз и был той политикой или конструкцией, где скрестились эти различные желания, намерения и практические возможности. Лидеры партии большевиков думали одно, но на практике получалось другое. Адекватная трактовка практики тотчас объявлялась происками врагов революции (сначала меньшевиков и эсеров, затем троцкистов, потом бухаринцев), в общем, поиска «классовых врагов». Но эта конструкция из противоречивых элементов породила очень интересные и глубокие теоретические дискуссии, по крайней мере, для начала и середины 1920-х годов, уроки которых до сих пор плохо освоены нашей наукой.

После перехода к НЭПу и понимания, что эта политика «всерьез и надолго», но, тем не менее, не навсегда, встал вопрос о путях развития советской экономики. Развиваться ли на базе товарного производства и рыночных начал, ибо подавляющее число производителей были крестьяне, т.е. частные производители, и они, в конечном счете, определяли общий тип и тонус экономического развития. Или же, переступая через рыночные начала, форсировать развитие промышленности вообще, тяжелой в особенности, для обеспечения безопасности молодой советской республики и «строительства социализма». Большинство большевистских идеологов прекрасно понимало, что заложить прочную основу для социалистического общества может только создание крупной промышленности. Такова была общая схема экономического развития, в которой надлежало выбрать оптимальный путь.

Соответственно этим двум вариантам сложились и две основные группы идеологов. Идеологию первой группы, которая во главу угла ставила рынок и товарные начала, можно обозначить как идеологию самотека, постепенного развития экономики через развитие сначала товарного крестьянского хозяйства, затем легкой промышленности, машиностроения для легкой промышленности, потом

тяжелой промышленности. Несомненным лидером этой группы в середине 1920-х был Н.И. Бухарин. Идеология второй группы состояла в отрицании политики самотека, в проведении активной государственной политики индустриализации и государственного планирования и в поиске оптимальной стратегии. Предлагался тщательный экономический расчет возможности накопления капитала для индустриального развития прежде всего. Политическим лидером этого направления был Л.Д. Троцкий, а экономическим идеологом можно назвать Е.А. Преображенского.

Дискуссия между Преображенским и Бухариным середины 1920-х годов, можно сказать, концентрирует в себе расхождение среди большевистских руководителей и идеологов в поиске оптимальной стратегии социально-экономического развития. Анализ ее поэтому представляет не только особый интерес, но и дает представление о существовавших тогда идейных альтернативах социально-экономического развития.

Общее понимание основной проблемы послереволюционного развития у Бухарина и Преображенского было в целом одинаковое. Бухарин еще в 1921 г. так определял «основное противоречие всей революции»: «На очередь стали проблемы хозяйства, развития производительных сил, мыслимого по отношению к сельскому хозяйству лишь в форме роста *мелкобуржуазного* хозяйства». И далее: «В этом росте непролетарских, буржуазных, капиталистических форм таится большая опасность. И здесь заложено точно так же объективное противоречие нашего «текущего момента». С одной стороны, мы заинтересованы в том, чтобы увеличить дополнительное количество продуктов, а это можно сделать лишь в виде усиления буржуазных тенденций развития; с другой – именно это усиление представляет опасность для коммунизма, опасность, так сказать, с другого конца, с точки зрения конкуренции хозяйственных форм» (Бухарин, 1990, с. 241, 244). Надо сказать, что к середине 1920-х годов Бухарин эту «опасность для коммунизма» уже не видел. Преображенский же и в 1925 г. продолжал держаться более осмотрительной и реалистичной позиции: «Социалистическая форма хозяйства не может существовать в окружении частного товарного производства на основе мирного сожительства... Само существование этих двух систем, хотя и включенных в систему единого хозяйства страны, неизбежно приводит к тому, что либо социалистическое производство будет подчинять себе мелкобуржуазное хозяйство в

одной части, приспособлять в другой и поглощать в третьей, либо само будет рассосано стихией товарного хозяйства» (*Преображенский*, 1925, с. 229).

Очень разумная и грамотная позиция большевика, который не отказывался от создания социалистического общества, но хорошо понимал реальное положение вещей. Эта дихотомия между рынком и планом была свойственна советской экономике на протяжении всей ее истории. Иногда удавалось балансировать эти противоположные начала, чаще – централизованный план подминал рынок (в период индустриализации, войны и восстановления народного хозяйства), но теоретическое осмысление этой проблемы, начатое Преображенским, так и не вылилось во что-то завершенное. Но именно они составили костяк дальнейших дискуссий среди советских экономистов, которых обычно разделяют на два больших лагеря: товарников и планомерников.¹⁴

Тем не менее, наиболее глубокие и плодотворные соображения о НЭПе содержатся, пожалуй, только в работах Преображенского. Это сочетание и борьба двух начал (закон ценности и закон первоначального социалистического накопления), сочетание частного хозяйства и государственного и т.п. Но эти противоречивые, даже взаимоисключающие начала, по Преображенскому, присущи единой советской системе хозяйства. Эту сложную диалектику объединения взаимоисключающих начал в единой системе советского хозяйства понимали и принимали далеко не все. Преображенского часто обвиняли в стремлении превратить деревню «в дойную корову для индустрии».

И вот общая формула Преображенского: «Наша задача... заключается не в том, чтобы брать меньше, чем брал капитализм, а брать больше из еще более возросшего дохода» (*Преображенский*, 1925, с. 247). При этом он везде и всюду подчеркивал, что брать «в пределах экономически возможного, целесообразного и технически достигаемого» (*Преображенский*, 2008, с. 134).

Преображенский предупреждал, что развитие экономики путем самотека рано или поздно приведет к необходимости вводить чрезвычайные меры в эконо-

¹⁴ В этой связи нельзя согласиться с тезисом В.Е. Маневича, что «в 60-х гг. в советской экономической науке сложилось направление, рассматривавшее товарно-денежные формы в советской экономике как атавизм капитализма, с преодолением которого откроются возможности перехода к коммунизму» (*Маневич*, 2010, с. 170). Это направление было господствующим уже в 1920-е гг. и именно оно отрицало необходимость политэкономии для социалистического общества. Сторонники рыночных начал и, соответственно, политэкономии объявлялись тогда буржуазными экономистами или правыми уклонистами. А в 1960-х гг. оба эти направления расположились в одной и той же политической экономии «в широком смысле» и вели между собой яростные дискуссии.

мическом регулировании. Это и случилось в конце 1920-х годов. Сказывалась боязнь скатиться в капитализм, который, по мнению этой группы большевистских идеологов, превратит страну в сырьевую колонию развитых европейских держав. А это, в конце концов, отодвинуло бы социалистическую индустриализацию на неопределенно долгий срок. Правящая партия вынуждена была бы регулярно прибегать к чрезвычайным мерам воздействия на крестьянство. Линия Преображенского состояла в постепенном и последовательном накоплении средств для индустриализации за счет богатейших слоев деревни и с опорой на бедняцко-средняцкие слои. Но при этом почему-то Преображенский забывал или не додумывал, что «подъем бедняцко-средняцкой деревни», за что выступала «левая оппозиция», неминуемо вел к выделению нового слоя зажиточных крестьян, т.е. новых кулаков.

В общем, ситуация была сложная. Естественно, «левая оппозиция» выступала за левый курс в деревни, который, по ее мнению, мог предотвратить повтор чрезвычайных мер («январско-мартовские мероприятия») и способствовал ускорению темпа экономического развития, в том числе и индустриализации. При этом важно отметить, что Преображенский специально и не раз подчеркивал, что у середняцко-бедняцких слоев деревни хлеб «можно брать только экономическими средствами, только товарообменом» (*Преображенский*, 2008, с. 66). Однако, сталинское руководство партии не стало разбираться в тонкостях экономического инструментария «левой оппозиции» (и прежде всего Преображенского). Был выбран самый жесткий, самый драконовский, а потому, видимо, самый простой метод силового изъятия средств для индустриализации. От этого пострадало не только крестьянство, но и рабочий класс, на долгие годы оказавшийся на минимальном уровне жизнеобеспечения.

Итак, в чем актуальность подхода Преображенского сегодня? В том, что он предлагал развитие не самотеком, куда сама себя вывезет кривая рыночной экономики, а на основе точного расчета экономических пропорций между различными отраслями народного хозяйства, между производством и потреблением, наконец, между различными классами общества. Он разрабатывал модель экономического развития, которую сегодня в экономической теории называют «точная настройка». Она означает государственные меры фискального и кредитно-денежного регулирования, направленные на ликвидацию отклонений совокупного спроса от целевой траектории экономического роста. Но условиях 1920-х гг. не

было возможности для точных расчетов. Кривая экономического развития вывезла в жесткий режим централизованного управления. Выбор лучшей альтернативы экономической стратегии не осуществился. Или, скажем точнее, была навязана самая простая, а потому грубая и жесткая стратегия.

Дискуссия в экономической науке по поводу альтернатив в 20-х годах прошлого века велась в разных терминах. В начале 20-х годов - между финансовым и производственным подходом, в середине 20-х годов - между равновесным и плановым подходом, в конце - между генетическим и телеологическим. Отголоски этой дискуссии в тех или иных терминах и формах можно обнаружить в истории советской экономической мысли всего периода существования СССР. Например, по поводу соотношения плана и рынка в 60-х годах прошлого века. К сожалению, до сего дня эта макродискуссия в нашей литературе освещена слабо или, лучше сказать, односторонне. Поэтому приходится еще раз наткнуться на те же самые грабли.

Таковы были исходные предпосылки при создании «политической экономики социализма». Основы одного направления были заложены Рубиным, основы другого – Преображенским. Эти два направления и составили основной стержень политической экономики социализма.

5. Школы и функции политической экономики социализма

С этой точки зрения и будем анализировать существовавшую не так давно советскую политическую экономию социализма. Она насчитывала многие сотни серьезных научных работ, в которых авторы стремились искренне разрабатывать черты и конструкции социалистического общества. Другое дело - что из этого получалось и как это выглядит сегодня. Тем не менее можно назвать такие интересные и заметные школы в политэкономии социализма как И. И. Кузьмина (Академия общественных наук при ЦК КПСС), Н. А. Цаголова (МГУ), Я. А. Кронрода (Институт экономики АН СССР), Н. П. Федоренко (ЦЭМИ АН СССР), Новосибирская школа (А.Г. Аганбегян, К.К. Вальтух), Ленинградские (тут можно выделить по крайней мере две: Н. Моисеенко и Н. Колесова), Одесская школа (А.К. Покрытан), Ярославская школа (А.И. Кашенко, Н.Г. Наровлянский) и ряд других менее известных или значимых.

Из всех них я бы выделил как наиболее интересные и развитые школы Я.А. Кронрода (Институт экономики АН СССР) и Н.А. Цаголова (МГУ), полемика между которыми задавала тон научной дискуссии и обеспечивала достаточно высокий уровень тогдашней экономической теории. К этим и другим школам и отдельным их представителям можно относиться по-разному. Это естественно и нормально. И вместе с тем следует признать, что эти научные школы смогли развернуть оживленные дискуссии по ключевым вопросам политической экономии социализма. Результаты этих дискуссий нельзя просто отбрасывать. Необходимо провести их инвентаризацию, найти рациональные зерна, осмыслить их заново, что в целом обеспечит преемственность отечественной экономической мысли. Ведь эти экономические школы пытались решать реальные экономические проблемы экономического развития страны, проблемы, которые во многом остались и сегодня.

Попытаемся теперь выделить функции политической экономии социализма, которые она выполняла в советский период. При первом подходе можно выделить четыре функции. Первая была пропагандисткой и в целом занималась апологетикой существовавшего режима. Почти все научные работы, в том числе, конечно, и серьезные в той или иной мере содержали элементы апологетики. Это было неизбежно. Поэтому сегодня при анализе политэкономических работ советского периода надо просто оставлять за скобками все апологетические места в этих книгах. Конечно, если таких мест в книге будет много, то придется оставить без внимания и саму книгу и, стало быть, автора.

Вместе с тем, можно выделить еще три функции советской политэкономии, которые носят научный характер.

Вторая - это объяснение существующего строя. Повторю, не оправдание, что относится к апологетике, а попытка объяснения. Авторы пытались как-то уточнить, детализировать и конкретизировать многие принципиальные положения, которые составляли основу официальных трактовок, основу политэкономической идеологии режима. Это было чрезвычайно трудно и удавалось в крайне незначительной степени. Основная трудность при этом заключалась не в репрессивности режима (это был лишь внешний фактор), а в том, что сами ученые находились в ловушке сталинского социализма. Т. е. авторы считали и верили, что они живут при социализме (с любыми эпитетами, не в этом сейчас дело) и пытались на основе марксистской методологии научно объяснить то общество. Но сделать

это было невозможно. Последовательное уточнение какого-либо официального идеологического положения приводило в конце концов или к отрицанию социалистического характера общества или к отрицанию соответствия официального положения марксизму.

Третья - это попытки усовершенствования существовавшего строя. Здесь было много легче развернуться в теоретических построениях, высказывать различные взгляды, разворачивать дискуссии. Почти все основные дискуссии в советской экономической науке как раз охватываются этой функцией. Можно, например, назвать по крайней мере две крупные теоретические концепции, основы которых коренились именно в политической экономии. Это теория размещения производительных сил и теория эффективности новой техники и капиталовложений. Это уникальные разработки, которым нет аналога в мировой науке. Ибо советские ученые разработали совершенно оригинальные модели размещения производства и измерения эффективности инвестиций для условий безрыночного хозяйствования. Собственно говоря, эта функция и соответствует основному предназначению политической экономии социализма, если под последней понимать экономическую теорию социального государства.

Четвертая - это создание общей теории социализма. Такие попытки были у многих исследователей, но результат их усилий - чрезвычайно ничтожный. Главная причина состоит опять же в том, что советскую практику многие исследователи принимали за практику социалистического общества и никак не могли ее непротиворечиво увязать с классическим марксизмом, т.е. с основами той теории, на базе которой они и пытались развить новую теорию. Правда, В.Е. Маневич считает, что все же что-то удалось сделать: «В целом же, при всей противоестественности задачи, экономистам все же удалось сконструировать некое подобие системы, где были переплетены старинные идеалы социализма и коммунизма..., отблески реальности (товарно-денежные формы, признание недостатков), нормативные установки, элементы экономической политики. Эта система воплотилась в учебнике политической экономии, который готовился с середины 30-х гг. и вышел в 1954 г.» (Маневич, 2010, с. 175-176). Учебник, конечно, получился. Но надо еще разбираться – что это был за учебник.

Конечно, можно развивать общую теорию социализма и как немарксистского. Есть разные взгляды и теории на этот счет. Я, правда, плохо представляю себе возможность разработки общей теории социализма без марксистской мето-

дологии, в частности, без экономического материализма. Но это другой вопрос. Дело же в том, что почти все советские политэкономы в той или иной степени разделяли марксистскую методологию и искренне пытались соединить марксизм и советский социализм (“русский социализм”). Если же анализировать развитие советской политической экономии социализма без обращения к марксизму, без сопоставления с марксистской методологией, то из этого ничего не получится. Это было бы равносильно тому, как анализировать спиртной напиток не обращая внимания на количество и качество содержащегося в нем спирта. Поэтому никакой общей теории социализма или даже вообще новой общественной теории за советский период у нас создано не было. Однако отдельные элементы, детали и частности в ряде случаев были разработаны довольно глубоко.

Сам марксизм в советской его интерпретации был включен в, так называемый, субъективный фактор истории, когда оценочные характеристики и соответствующая политика их реализующая, превращались в действенный фактор исторического процесса. Или казалось, что так становиться.

В этих методологических рамках разворачивались политэкономические исследования. Основное противоречие с методологической точки зрения, в котором они оказались, состояло в том, что с одной стороны, нужно было соответствовать традициям «субъективного метода в истории» или социального подхода и активно формировать (или оправдывать) существовавшую экономическую политику, а с другой стороны, нужно было исследовать и объяснять реальности социально-экономического процесса, как он проходил в природе. Таким образом, можно выделить по крайней мере две линии, которые определяли основное развитие политэкономических исследований: (1) социальный фактор в экономической действительности, который выражался в нормативном характере многих исследований; и (2) приближение к реальности и отражение ее противоречивости, стремление наиболее глубоко и адекватно объяснить характер существовавшего экономического процесса. На эту противоречивость в свое время обратил внимание еще А.И. Герцен: «Поймите, что нельзя проповедовать в одно и то же время христианскую нищету и политическую экономию, социальные теории и безусловное право собственности» (Герцен, 1986, Т. 2, с. 394).

б. Реальное направление: Я.А. Кронрод

Научная проработка теоретических вопросов постоянно наталкивала исследователей на проблему резкого расхождения реального экономического процесса и идеологического его оформления. Так как политическая экономия социализма считалась преимущественно идеологическим занятием, то у тех, кто этим занимался, не могло не быть известной раздвоенности и даже разтроенности. Попробуем этот момент прояснить. С одной стороны, надо было соответствовать идеологическим схемам советской конструкции «марксизма-ленинизма», по крайней мере, далеко от туда не выпадать. За это наказывали более сильно, чем за что-либо другое. Этот момент осложнялся еще тем, что данная идеологическая конструкция постоянно менялась, причем в разные стороны. С другой стороны, надо было соответствовать классическому марксизму, ибо последний рассматривался как основа советской идеологической конструкции. Трудность здесь состояла в том, что конструкция «марксизма-ленинизма» далеко не всегда совпадала с классическим марксизмом (например, положение о строительстве социализма в отдельно взятой стране), и уже отсюда шла раздвоенность. Но была и третья сторона – народнохозяйственная практика, изучение и объяснение которой, вообще-то, составляло важнейшую функцию политической экономии. Разные научные коллективы решали эту проблему по-разному. Так, коллектив кафедры политэкономии МГУ (Н.А. Цаголов) основные усилия направил на разработку достаточно теоретических проблем, обосновывающих отрицание товарного характера «социалистического производства», что, сохраняя стройность абстрактной марксистской теории, уводило в сторону от анализа реального экономического процесса. Зато в этой школе почти не было противоречий с классическим марксизмом.

Институт экономики АН СССР (школа Я.А. Кронрода) так поступить не мог, в силу его обязанности заниматься и народнохозяйственными проблемами. Поэтому его теоретики и политэкономы вынуждены были искать пути непротиворечивого соединения хозяйственной реальности с господствующей политэкономической теорией. Но тем самым они оказывались в противоречивом, двойственном состоянии. Ибо создание теории адекватной практике по необходимости вело к ревизии сложившихся «марксистско-ленинских» формул.

Наиболее глубоко эту противоречивость в своем творчестве отразил Я. А. Кронрод, который для послевоенного периода в политэкономических исследованиях ИЭ был одной из центральных фигур, а в 1960-е годы просто основной. В

отличии от многих политэкономов, которые крепко держались за спущенные сверху партийные формулы или достаточно абстрактные теоретические построения марксизма, что, конечно, было много интереснее первого, Кронрод, наоборот, исходил из жизни и пытался теорию подправлять под практику. В целом его теоретические построения были много ближе к практике, но при этом и дальше от сталинистских политэкономических формул и догм. Кронрод и сторонники его школы последовательно выступали за развитие рыночных отношений, товарного производства, закона стоимости, за экономическую демократию и т.д. Однако все это не были категории сугубо социалистических отношений и все это было очень трудно совместить с господствующими социалистическими императивами.

С уровня сегодняшнего знания мы вправе утверждать, что Кронрод оказался в клещах теоретического противоречия, которое вообще было присуще всей нашей прежней политэкономической конструкции. Более того, я бы сказал, что Кронрод лучше и глубже всех выразил это противоречие. Может быть, он был более противоречивым, чем все остальные советские политэкономы. Это, например, хорошо видно на его конструкции двух форм (прямой, непосредственно планомерной и косвенной, товарной) народнохозяйственных связей. Здесь его в равной мере обвиняли в непоследовательности и рыночники (более близкие и симпатичные ему исследователи) и планомерники. Однако, лучше было бы не обвинять, а понимать - почему в этом уме сформировалась такая противоречивая конструкция. Сегодня можно все это дело представить более ясно.

Например, две формы связи Кронрода это иная трактовка известной теории двух регуляторов Е. Преображенского. Но эту теорию Преображенский разрабатывал для переходного хозяйства, не имея в виду социалистическое общество. Так что в сегодняшнем понимании вопроса, две формы связи Кронрода могли бы означать, переходный характер и того общества, в котором жил Кронрод. И это было много ближе к реальности, чем другие менее противоречивые конструкции. Более того, две формы народнохозяйственных связей Кронрода сегодня в политэкономической литературе трактуются как конституирующий момент современной смешанной экономики. (См.: *Никифоров*, 1999, с. 64).

Остановимся на одном принципиальном вопросе. В университетском "Курсе политической экономии" (под руководством Н.А. Цаголова), и не только в нем, проводилась идея о необходимости изучения коммунистического способа производства в целом и как такового. Анализ же производственных отношений

социализма, согласно “Курсу” следовало начинать с выявления общекоммунистических начал: “Исходным в анализе системы производственных отношений при социализме является изучение экономических категорий и законов, общих для коммунистического способа производства в целом”. (Цаголов, 1963, с. 108). Социализм, таким образом, предполагалось изучать не от того, что было в реальности, а от того, что будет в будущем коммунистическом обществе. Предполагалось идти от идеальной конструкции, как она формулировалась в наиболее авторитетных головах. Это был “субъективный метод” доведенный до своего последнего пункта. Тогда это была серьезная и довольно массовая установка. Выступать против осмеливались лишь единицы.

Кронрод, на мой взгляд, очень толково ответил на эти теоретические рассуждения: “Пытаться же чисто умозрительно, а priori установить всеобщие экономические формы коммунизма - значит создать науку реальных отношений до того, как возникнут сами отношения, т. е. создать отражение объекта до самого объекта” (Кронрод, 1966, с. 163). В этой фразе явно ощущается влияние позитивистской методологии, весьма близкой к реальной школе Института экономики, но в то же время, уводящей в сторону от классического марксизма.

Сделаем одно отступление. Вообще говоря, теоретические построения Кронрода, которые практически все укладываются в реальное направление экономической мысли, и критика этих построений, которая в основном шла от представителей социального направления, представляют нормальное явление и нормальное состояние научной жизни. Это нормальная дискуссия двух подходов, двух различных направлений. Без таких дискуссий не было бы развития экономической науки. Но ненормальность этой ситуации в то время заключалась в том, что за каждым поворотом этой, нормальной (повторю еще раз) научной дискуссии маячил партийный или «ученый» администратор с его оргвыводами. Запросто могли выгнать из Института. Поэтому каждый участник дискуссии старался показать себя лояльным к политической власти и вольно или невольно давал негативные оценки своим оппонентам, вернее, вкладывал в эти оценки, которые порой бывали точными, негативный смысл.

Сегодня появляется соблазн поменять эти оценки, точнее их знак. Если, например, раньше считалось, что Кронрод ошибался, а его критика была правильной, то сегодня часто можно встретить обратное: что, мол, Кронрод был прав, а его критики были не правы. Однако, такое перевертывание советской идеологиче-

ской схемы негодится. Сегодня у науки нет никакой власти (её здесь и вообще не должно быть), поэтому и нельзя пользоваться оценочными схемами советского периода. Так, нельзя говорить, что Кронрод был прав, а Цаголов нет. Просто первый соответствовал реальному направлению экономической мысли, а второй социальному. Оба этих направления, как и оба этих исследователя были существенными и интересными явлениями советской политической экономии социализма.

Чем же, собственно говоря, Кронрод напугал политические власти. Возьмем его доклад о социализме как особом способе производства на конференции Института экономики АН СССР 1970 года, после которой Институт решением ЦК КПСС был полностью реорганизован. Кронрод из заведующего сектором был переведен в “исполняющего обязанности” старшего научного сотрудника. Политический режим в этом затянувшимся романе с Кронродом поставил точку.

Здесь он, например, пишет о таких, получивших именно сегодня развитие (правда, иногда довольно своеобразное) предметах, как выделение и отделение от государственной политической организации общества “всеобщей общественной негосударственной ... экономической его организации”; экономического соревнования между предприятиями и регулирующего значения в этом процессе закона стоимости (“расширение материально стимулируемого экономического соревнования, повышения его эффективности через отмену фондирования и замену его планомерной торговлей...”); наконец, о необходимости экономической демократии, “экономической свободе личности непосредственного производителя”.

Однако главный вывод или вопрос был поставлен так: “Перед наукой во весь рост стал принципиальный общий определяющий вопрос: что представляет собой социалистическая фаза коммунизма - есть ли это лишь относительно исторически кратковременная начальная ступень развития коммунистического способа производства или же это есть исторически особая длительная полоса развития человеческого общества, опирающаяся как на свой экономический фундамент - на социалистический способ производства, представляющий собой особый по сравнению с развитым коммунизмом, способ производства, специфически исторический способ производства, открывающий эру коммунистического развития человечества, но являющийся еще именно социалистическим способом (в отличие от прогрессивно друг друга сменяемых в процессе будущего общественного прогресса способов производства полного коммунизма). Другими словами, встал во-

прос: представляет ли социализм как низшая начальная фаза коммунизма, т. е. как этап его становления, самостоятельный способ производства?” (Кронрод, 1970, с. 6).

Казалось бы, ну и что здесь такого особенного? Где же тут зарыты ревизия, отступничество, ересь? На первый взгляд, все это кажется какой-то очень абстрактной конструкцией поиска общности и различий между социализмом и коммунизмом. Сегодня, с расхожей точки зрения, эта схема представляется вообще какой-то утопической схоластикой. Но не то было 35 лет назад.

Наиболее умные критики Кронрода все правильно поняли. Вот что писал И. Кузьминов по поводу вышеприведенной конструкции Я. А.: «В этой схеме общие черты социализма и коммунизма смазаны, а на первое место выдвинуты специфические, в первую очередь, товарно-денежные. Автор обосновал наличие глубинных различий между социализмом и коммунизмом, в то время как в действительности следует исходить из их глубинных общих основ. Не случайно некоторые последователи Я. А. Кронрода, восприняв его концепцию, сделали из нее логические выводы, провозглашая необходимость конкуренции при социализме, толкуя распределение по труду по существу как распределение по рыночным условиям, рассматривая закон стоимости чуть ли не как основной экономической закон социализма и т. д. Такая трактовка социализма, естественно, не укладывалась в рамки «первой фазы коммунизма». Но именно это-то обстоятельство и служит убедительным доказательством ее непригодности» (Кузьминов, 1980, с. 20).

Я думаю, что И. Кузьминов в целом был прав. Концепция Кронрода “не укладывалась” не только “в рамки первой фазы”, но и в рамки официальной трактовки государственного социализма. Поэтому была естественной и закономерной жесткая критика Я. А. Кронрода, снятие его с микроскопической административной должности заведующего сектором, резкое сужение публикационных возможностей.

Конечно, далеко не только один Я. Кронрод оказался в таком противоречивом состоянии между реальным экономическим процессом, который требовал позитивистского подхода и вульгарно истолкованным “субъективным методом”. И далеко не только он один из сотрудников Института экономики был жестко критикуем по итогам той знаменитой конференции. Прежде всего можно назвать сотрудников кронродовского сектора: В. Г. Венжера, Л. В. Никифорова, Б. В. Ракитского. Но даже многие ученые, которые не являлись объектом политической кри-

тики, в своих работах отражали эту противоречивость реального экономического процесса и теоретического его отражения.

Так, наиболее глубокие политэкономические исследования, стремясь адекватным образом отражать экономическую реальность по необходимости оказывались в противоречии с устоявшимися теоретическими формулами и всей идеологической завесой. Но к реальности ведь надо было пробиваться. Ведь выполнять нормативную функцию политэкономия могла только тогда, когда ее практические предложения были бы адекватны самой реальности.

Если задаться вопросом - какая же основная линия была в политэкономических исследованиях ученых Института экономики, то со многими оговорками можно заключить, что в центре ее стояла необходимость приближения к экономической реальности. Сейчас поясню, что имеется в виду. Реальность госсocialизма можно рассматривать по крайней мере в трех срезах или аспектах. Первый, самый поверхностный срез составляла официальная идеология, насаждаемая властью, которую можно назвать “марксизмом-ленинизмом”. Второй срез представляла народнохозяйственная экономическая политика, которая с одной стороны должна была соответствовать официальному “марксизму-ленинизму”, а с другой все-таки обслуживать и направлять реальный экономический процесс. И, наконец, третий срез, лежащий более глубоко, представлял сам объективный экономический процесс. Этот третий срез почти постоянно находился в противоречии с экономической политикой и еще большим противоречием с официальной экономической идеологией.

Политэкономические исследования по замыслу идеологического начальства со Старой площади (ЦК КПСС) должны были как бы “развертывать” официальные идеологические формулы в более или менее конкретные параметры экономической политики, которая в свою очередь по замыслу тех же устроителей должна была трансформировать и направлять экономический процесс. Там, где стратегические цели были очевидны (военная экономика или восстановление народного хозяйства) больших противоречий между экономической политикой и самим экономическим процессом не возникало. При этом роль экономической идеологии “марксизма-ленинизма” была минимальна. Иное дело нормальное состояние общества и необходимость поступательного экономического развития. Идеология здесь выступала на первое место и она претендовала на формирование экономической политики.

Вообще говоря, идеология всегда составляет как бы методологическую базу экономической политики. Это нормально и естественно. Но в советский период, строго говоря, научно выработанной идеологии не было. Классический марксизм лишь по видимости, фразеологически касался советской идеологии. Вся эта последняя сводилась к обоснованию власти правящего слоя и сиюминутного реагирования на эмпирические потребности. Отсюда бесконечные дерганья и противоречивые решения в экономической политике. Ничего научного, кроме нескольких марксистских фраз, в этой идеологии не было.

7. Социальное направление: Н.А. Цаголов

Другим направлением в советской политической экономии социализма была школа Н.А. Цаголова, которая сама включала в себя несколько заметных “школ”. Можно назвать такие школы, которые находились под явным влиянием или тесно примыкали к школе МГУ: ярославская школа (А.И. Кащенко, Н.Г. Наровлянский), ленинградская школа (Н.А. Моисеенко), одесская школа (А.К. Покрытан). К этому направлению примыкали многие ученые, работавшие в разнообразных образовательных и научных учреждениях многих городов страны. В целом это направление экономической науки можно назвать социальным, когда не просто описывается существующий экономический процесс, но вырабатываются или предлагаются, скажем так, “рекомендации” по совершенствованию, видоизменению этого процесса в соответствии с социальными императивами. Это социальное направление имеет богатые традиции в истории русской общественной мысли. Можно даже сказать, является специфическим российским явлением. Понять специфику российской школы экономической мысли, проблематику которой выделил академик Л.И. Абалкин (*Абалкин, 2000*), без учета этого социального направления просто невозможно.

Вернемся, однако, к школе МГУ. Главным достижением школы Цаголова принято считать учебник “Курс политической экономии”, вышедший еще в советский период несколькими изданиями и переведенный на множество иностранных языков. Учебник этот для тех времен действительно был творческим и интересным, и заметно отличался в лучшую сторону от стандартных советских учебников политической экономии. Учебник Цаголова, (а Николай Александрович был научным редактором и руководителем авторского коллектива, а также самым активным автором) отличался, не знаю как лучше сказать, но скажу так: нестали-

низированной трактовкой многих экономических категорий. Конечно, не всех. Сталинская методология весь послевоенный советский период прочно гнездилась во всех учебниках и научных трудах по обществознанию. Достаточно назвать догму о том, что в СССР был построен социализм. Догму, которую почти никто в советское время не собирался подвергать сомнению. Однако по ряду категорий и положений уже в 60-е годы начался пересмотр некоторых элементов сталинизированной методологии. И университетский «Курс политической экономии» предложил не только некоторую свежесть трактовок, но и некую системность в их изложении. Но трактовки эти были, скорее, не постсталинского характера, а еще досталинского, больше напоминающие теоретические постановки лучших работ советских экономистов 20-х годов и прежде всего Преображенского с его плановым началом. В.Н. Черковец в этой связи пишет, что «Курс» выступил с пониманием политической экономии социализма как теории не рыночной, а плановой экономики» (Черковец, 2005, с. 106). Сегодня, конечно, этот учебник смотрится как великий исторический памятник, хотя некоторые его положения и до сих пор являются классикой отечественной социалистической мысли.

Итак, рассмотрим Н.А. Цаголова, влияние которого было очень мощным и даже ощутимо сказывается сегодня. Хотя, если сегодня внимательно читать тексты Н.А. Цаголова, довольно часто натыкаешься на очень глубокие его наблюдения и замечания, которые только сейчас становятся понятными. Приведем такой пример. Одним из недостатков советской интерпретации марксизма было очень неопределенное понимание способа производства, когда по сути дела один и тот же способ производства (ведь, с фактической стороны в СССР и в странах развитого капитализма индустриальная база общества была примерно равной) служил для объяснения принципиально разных общественных устройств. На это обращали внимание не многие. Н. А. Цаголов, интуитивно чувствуя это противоречие, писал в конце 70-х годов: «Политическая экономия должна изыскать политико-экономический эквивалент противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Для каждого способа производства это противоречие находит свое особое выражение в самой системе производственных отношений.» (Цаголов, 1982, с. 317). В системе производственных отношений социализма школа МГУ выводила особое отношение «плановости», которое и отличало социалистический способ производства от ему предшествующего. Тем самым, отношения «плановости» как выражение социальной направленности

(сознательное осуществление социальных ценностей) становились критерием различения способов производства. То есть, для социалистического способа производства различие находили в большей его социальности. Это в принципе верная и очень современная постановка вопроса. При одном исключении. Эта постановка характерна для постиндустриального общества и соответствующей литературы. А советское общество было почти типичным индустриальным обществом.

Но вот какой вопрос возникает. В чем, так сказать, содержание и существо школы Н.А. Цаголова? Обсуждению этого вопроса сегодня посвящена уже некоторая литература. Прежде всего следует назвать очень интересную и содержательную книгу трех авторов: С.С. Дзарасова, С.М. Меншикова, Г.Х. Попова “Судьба политической экономии и ее советского классика” (см.: *Дзарасов, 2004*). Эта книга, конечно, не только о Н.А. Цаголове, но и о всей советской экономической науке, о советской экономической системе и, естественно, о политической экономии социализма. Авторы (все три) сумели написать объемную, масштабную, умную и даже по-человечески симпатичную книгу об интеллектуальном состоянии нашей прежней (т.е. советской) и немного нынешней экономической науки. Более того, создается впечатление, что авторы на примере Цаголова, через Цаголова стремились обсудить судьбу отечественной экономической теории (политической экономии социализма), ее, так сказать, общественную полезность в советский период и сегодня, ее предназначение и будущее.

Недавно вышла и другая книга на эту тему “О творческом наследии Н.А. Цаголова” (см.: *Хубиев, 2004*), где этим вопросам посвящены многие разделы. Однако, второго плана в этой по-своему примечательной книге, к сожалению, нет. Появляется и другая литература вопроса. (См.: *Кузнецова, 2005*).

Итак, действительно что, собственно говоря, Н.А. Цаголов сделал в науке: какая концепция, теория, метод, прием, задача связана с этим именем? Знаменитый учебник – да, активное участие во многих дискуссиях – да, безусловно. Уже одно это, то есть создание “Курса политической экономии”, инициирование многих дискуссий, которые завораживали научное сообщество тех лет, очень много. Мало кто в этом мог сравниться с Н.А. Цаголовым. Но если что-то сверх этого?

Начнем несколько со стороны. Вопрос в экономической науке после 1956 года, то есть, после XX съезда партии стоял так: или идти в экономических исследованиях к реальностям народнохозяйственной практики и, стало быть, к рыночным отношениям, или же идти к абстрактной теории социализма, восстанавливая

после сталинистских напластований аутентичный марксизм и идеальные представления о социалистическом обществе начала XX века. Последнее было менее опасно. Рыночников, в частности, многих сотрудников Института экономики АН СССР, которые по первому пути довольно быстро стали ругать и притеснять. Сторонников школы Цаголова, которые устремились по второму пути, стали наоборот поддерживать и выдвигать. Как раз сторонники и ученики Цаголова заняли большинство ключевых постов в научно-партийном руководстве советской эпохи. Почему прагматически настроенные партийные руководители советской эпохи меньше боялись абстрактных рассуждений теоретического марксизма, нежели реальных конструкций по реформированию хозяйственного механизма - то же интересный вопрос. Ведь партийные руководители вряд ли понимали различие между исходным и основным производственными отношениями социализма и смысл этой словесной эквилибристики, а реформа хозяйственного механизма им как прагматикам должна была бы быть понятней и полезней. Но почему то укреплять свое руководящее положение они не хотели. В результате социалистическая теория и реальная народнохозяйственная практика расходились все больше и дальше.

Официальная версия политической экономии, зафиксированная в первом послевоенном учебнике политической экономии 1954 года, уже официально требовала замены. Но вот в какую сторону ее заменять - вот в чем был вопрос. На политэкономической дискуссии 1966 года в Институте экономики АН СССР как раз обсуждался проект нового труда по политической экономии социализма, способный заменить старый учебник 1954 года. Эту работу взялся делать Институт экономики АН СССР группой ученых во главе с Я.А. Кронродом. Выступая на той дискуссии Кронрод специально подчеркивал: “Я думаю, что попытка представить социализм как строй, которому не имманентны товарные отношения, внутренне не присущи, обрекает все дело анализа социализма на полное фиаско” (Кронрод, 2004, с. 176). Это был один путь развития экономической мысли. Но труд Института экономики так и не появился в печати. Другой путь выбрала школа Цаголова.

Его университетский “Курс политической экономии” исходной точкой концепции политэкономии социализма, как уже говорилось, взял планомерность. Но жизнь же была товарная, рыночная. Планомерность в этом случае могла ее только скрасить, упорядочить. Основой практики хозяйственного руководства

мог быть только рынок и рыночные отношения. Это, собственно говоря, и доказала современная рыночная трансформация. Рынок взорвал и отбросил плановое хозяйство. И не потому, что во главе страны сидели неумелые руководители или, того круче, предатели, хотя, видимо, было всего понемногу. Главное же состояло в том, что сама объективная жизнь, сам ход экономического процесса требовали легализации и нормализации рыночных отношений.

В этом то и состояла главная или основная проблема советской экономики. Хозяйственная жизнь требовала легализации товарных, рыночных отношений, которые составляли реальную основу существовавшего тогда способа производства. Почти все экономические реформы советского периода были направлены именно в эту сторону и все они, как известно, “не удались”. Но “не удались” не потому, что эти реформы как бы выдохлись и не получились, а просто потому, что их “прикрыли”. Каждый раз, когда экономические реформы набирали динамику и мощь их административно-волевым путем отменяли. Вот и все. Потому что развитие рынка в конечном счете противоречило бы идеологическим и политическим основам советского режима, для него рыночные отношения были не приемлемы. Поэтому политический режим всегда насиловал экономику: временами репрессиями, временами авторитаризмом. Доставалось и экономистам-рыночникам.

Однако, вернемся к школе Цаголова. Действительно у Н.А. Цаголова нет никакой конкретной теории или концепции. Хотя так тоже говорить будет неверно. У Цаголова не было конкретной концепции, которая бы являлась органической частью той реальной советской экономической системы. Он по большому счету был против той системы в целом, где из каждой дыры лез рынок и рыночные отношения. Но у него была классическая концепция социализма, сформулированная лучшими представителями европейской социал-демократической мысли начала XX века. Концепция Цаголова есть продолжение и развитие той же самой марксистской концепции социализма, которую можно встретить в работах В. Ленина, Л. Троцкого, Е. Преображенского и многих других российских теоретиков социализма до сталинского периода. Это была не просто экономическая модель некоторого хозяйственного механизма, а была теоретическая модель социалистического общества, где конкретные хозяйственные моменты и детали имели периферийное значение. Последнее очень важно. Без социализма, без теории социализма понять Цаголова и говорить о школе Цаголове вообще бессмысленно.

Н. А. Цаголов был из крупных экономистов единственным (почти единственным), который последовательно проводил классическую марксистскую методологию в трактовке социализма и социалистического общества. Прежде всего это относится к тому, что Цаголов упорно и последовательно разводил социализм и товарное производство. Цаголов представлял собой классического марксиста, похожего, скажем, на Г. Плеханова или даже Л. Троцкого, для которых социалистическое общество является не параллельной альтернативой капитализму, а последовательной за ним. Иными словами, социализм в такой трактовке есть не антикапиталистическое, а посткапиталистическое общество. Поэтому для Цаголова социализм возможен только тогда, когда уже нет ни рынка, ни капитализма. Но Цаголов жил в обществе, которое все называли социалистическим, и он вынужден был его называть также. Поэтому, чтобы не впасть в противоречие с политическим властями, он выбрал абстрактную теорию социализма.

Думается, что логически Цаголов был совершенно прав. Если власти советское общество называли социалистическим, то, следовательно, здесь должны угасать товарное производство и рыночные отношения и на их место должна идти планомерность, то есть сознательное регулирование экономической и всякой другой жизни общества. Это классическая марксистская позиция. Как уже отмечалось, первым, кто пытался соединить в реальности социализм и товарное производство, как противоречивые стороны единого организма был Преображенский, если не брать во внимание другие теоретические концепции 20-х годов. Это и воспроизводил Цаголов. Но он, как и Преображенский, не мог считать, что рынок есть органичная часть социализма. Для него это был нонсенс. Но сталинизированная методология учебника 1954 г. соединила социализм и товарное производство в такую конструкцию, которая с научной точки зрения не устраивала ни Кронрода, ни Цаголова. Цаголов не мог выступать против официальной позиции политического руководства. Поэтому то он и сосредоточился на развитии и углублении марксистской методологии, что в последовательном развертывании должно было в конце концов разрушить сталинизированную методологию “социалистического способа производства”.

Давайте разберемся. В 1969 году в МГУ прошла дискуссия о товарном производстве при социализме. Школа МГУ была известна формулой о том, что социализм есть система не товарного, а планомерно организованного производства. Сегодня можно утверждать, что эта постановка существенно ближе к истине.

Ибо, даже советский “социализм” не мог ужиться с товарным производством и вынужден был завершить свой путь. Другая школа (Я. А. Кронрода) утверждала, что если производство при социализме носит товарный характер, то стало быть и социализм есть разновидность товарного производства. Это более логичное построение, но к социализму имеющее очень малое отношение. Но признание товарного характера производства как объективно необходимой его составляющей характеристики с логической неизбежностью ведет к признанию данного общества товарным (хоть в какой-то существенной степени). А это шло вразрез с общей концепцией школы МГУ. Ее руководитель Н. А. Цаголов в книге 1971 года писал совсем обратное: “Если производство при социализме является товарным по своему характеру, то отсюда следует, что определяющие его природу коренные экономические отношения являются по своему существу товарными. А это значит, что исходные, коренные отношения социалистического производства объявляются товарными.” (Цаголов, 1971, с. 13). И в другом месте он же писал: “Нельзя характеризовать социалистическое производства как товарное” (Цаголов, 1983, с. 115).

Но беда и печаль состояли в том, что социализма у нас не было и быть не могло. Островитяновский мейнстрим, отраженный в учебнике “Политическая экономия” 1954 года, конечно, был межумочной конструкцией и в 60-е годы мало кого удовлетворял. Но идти от него к реальности можно было только в сторону рынка. Таких ходочков быстро приводили в порядок, далеко они не уходили.

Цаголов пошел в другую сторону, в сторону чистой марксовской методологии социализма. Если бы разрешили, он, наверное, первым объявил, что социализма в СССР нет. Но это не разрешали и он этого не делал. Различие между Цаговым и Кронродом можно увидеть в следующих словах С.С. Дзарасова: “Цаголов хотел создать политэкономиию социализма, которая не только бы предшествовала практике, но и предопределяла ее” (Дзарасов и др., 2004, с. 367). Это совершенно верно и точно сказано. Наука, которая не только описывает существующее общество, а главным и преобладающим образом, его развивает и изменяет, “предопределяет”, есть наука социализма. Этим и занимался Цаголов. Кронрод же прежде всего хотел выяснить - что же есть за общество, в котором довелось жить.

В чем так сказать, проблема школы Цаголова, ее наиболее крупная “ошибка”? “Ошибка”, которая до сих пор свойственна многим убежденным социалистам, воспитанным на классических работах начала XX века. В том, что Ца-

голов, как и многие другие, в силу имеющихся традиций понимания социализма как более экономически рационального общества, пытался планомерностью заменить собственно экономический механизм. Но сделать это невозможно. Если объективно неизбежен экономический, рыночный механизм, то планомерность на его место поставить просто невозможно.

Цаголов считал, что “планомерность для социализма является таким же ключевым понятием и характеристикой, как товарность (рынок) для капитализма”. Так думал и писал Преображенский. Правда, Цаголов пошел дальше и планомерность превратил из формы экономического процесса в его сущность. Однако это разные вещи. Товарность есть сущность экономического механизма капитализма, а планомерность - лишь форма управления. Конечно, можно говорить, что планомерность, т.е. сознательная и целесообразная управляемость в отличие от стихийного капитализма, есть ключевая характеристика социализма. И это будет правильно в том случае, если экономическая необходимость, рационализация хозяйственной жизни, экономическая эффективность будут отодвинуты на задний план, перестанут быть актуальными. Но это означает, что здесь видоизменился экономический процесс, что главное здесь уже не экономическая эффективность, а социальные императивы, планирования социальных целей и планомерное их достижение.

И еще один важный вопрос, касающийся соотношения плана и рынка. В современной литературе отмечается, что школа Цагорова не на словах (что было характерно для некоторых товарников), а на деле “планированию отводила ведущую роль, а рынку ведомую. В этом было принципиальное отличие не только официальной формулировки позиции школы, но, - не собираюсь это утаивать - и личных убеждений основных последователей школы”. (*Дзарасов и др.* 2004, с. 268). Это верно. Но это же перечеркивает все старания показать Цагорова чуть ли не рыночным социалистом, что он предлагал сочетать плановые и товарные формы хозяйствования. Конечно, Цаголов не мог полностью игнорировать товарные отношения, которые в реальности были в советской системе. Но он им отводил подчиненную роль, как некоему неизбежному, но временному злу. Социализм в его концепции в чистом виде мог быть и без товарного производства и рыночных отношений. Но на какой-то переходный период эти товарные отношения могли присутствовать и при социализме. Это была достаточно логическая схема. Весь вопрос в литературе того времени сводится к тому - как сочетать план и рынок.

Школа Цаголова предлагала на первое место ставить план, а рынок становился ведомым. Но, если сохранялась объективная необходимость подсчета экономической эффективности, тогда непонятным становится на чем основывается план. Только на директивах ЦК КПСС? А они на чем? А они практически основывались на требованиях лишь одного сектора экономики - Военно-промышленного комплекса (ВПК). Поэтому советскую экономику вполне обоснованно называют милитаризованной экономикой или экономикой мобилизационного типа. Но достаточно долго так жить невозможно.

Концепция планомерности Цаголовской школы имеет как бы два среза. В этом ее сила и в этом же ее слабость. Первый срез простой и очевидный: план должен определять все экономическое развитие страны. Этот подход берет начало от теоретических постановок 30-х годов, когда план возводили в экономический закон теории советского хозяйства. Рынок при этом выполняет подчиненную роль или попросту игнорируется. В советской хозяйственной практике чаще случалось последнее. А если разобраться по существу, то рынок ведомым или подчиненным быть не может, ибо он тогда и вовсе не нужен. Для чего нужен рынок, если все пропорции определяет план? Другое дело, если план основывается на требованиях рынка, в полной мере учитывает их, если нужно их корректирует и ограничивает. Но общество должно знать цену этих плановых корректировок. Цену, которую дает только рынок. В этом случае рынок становится не ведомым, а определяющим, ведущим. И вообще, если рынок объективно необходим, то он не может быть на положении “бедного родственника”.

Другой срез концепции планомерности школы Цаголова более интересный и содержательный. В социалистическом обществе, когда экономическая необходимость как принцип хозяйствования уже преодолена, когда экономическая эффективность перестает диктовать те или иные мероприятия, планомерность, т.е. сознательное определение пропорций развития народного хозяйства, действительно, становится центральной категорией. Но уже не экономического процесса, а всего устройства общества. Общество должно сознательно, “планомерно” распределять ресурсы и возможности для достижения заранее намеченных и все-сторонне оговоренных социальных целей. Но это уже будет другое общество с другой экономикой.

Но дело в другом. Советская экономика явно или неявно концентрировалась на развитии ВПК и с точки зрения последнего эта экономика была более или

менее сбалансированной. И в этом случае достигалась некоторая планомерность. Т.е. планомерность достигалась только в очень узком секторе советской экономики, где рыночные отношения действительно были сведены к минимуму. Но ВПК не есть вся экономика или нельзя же всю экономику сводить к ВПК. Вот, это наиболее общая и простая причина кризиса советской экономики.

8. Заключение

И еще один очень важный вопрос для понимания двух направлений в политической экономии социализма советского периода. Как было показано, направление (школа) Я.А. Кронрода стремилась более точно, адекватно отражать реальный экономический процесс, что можно обозначить как реальное направление. Школу Н.А. Цаголова можно трактовать как социальное направление в политической экономии социализма. Некоторые вдумчивые исследователи сочли, что такое противопоставление (реальное и социальное) как бы принижает школу Цаголова. Например, профессор В.В. Куликов пишет: “Обвинения “школы Цаголова” в схоластике постоянно звучали еще при его жизни. Сейчас же они получили новый поворот. Утверждается, в частности, что эта школа руководствовалась “нормативным”, или “субъективным” подходом, отпавлялась от теории, от формулы “должного” социалистического общества, под которую пыталась подогнать хозяйственную практику. Вряд ли эти суждения корректны” (Куликов, 2004, с. 2). Но ведь различные школы как-то надо называть. Социальное направление в экономической теории, которое, по моему мнению, наиболее полно и последовательно выражалось именно школой Цаголова, я не считаю в чем-то ущербней или малозначительней, чем, например, школа Я.А. Кронрода. Сегодня вообще нельзя подходить к этим школам с точки зрения старой советской системы ценностей. Обе школы были значительны и содержательны. И обе впадали, по крайней мере, в одну и ту же ошибку: принимали существовавшее тогда советское общество за социалистическое. Другое дело и другой вопрос - как наиболее правильно отразить их различия. Более того, социальное направление я считаю более интересным для России, более соответствующим ее историческим традициям. Но также и более адекватным современным постиндустриальным тенденциям. Реальное же направление политической экономии социализма (школа Я.А. Кронрода) оказалось актуальным именно сегодня. Оно победило в той дискуссии, к великому сожалению.

Сегодня надо, думается, более внимательно читать наши старые тексты. И прежде всего труды таких выдающихся экономистов как Я.А. Кронрод и Н.А. Цаголов. Думается, что сегодня ни Кронрод, ни Цаголов не стали бы говорить, что в СССР был социализм, была планомерность и господствовал основной экономический закон социализма. И сегодняшние экономические пертурбации в равной мере не устроили бы ни того, ни другого.

Оба направления старались уйти от рынка в, так сказать, пострыночное пространство. Оба они находились в рамках социалистической парадигмы и не думали за нее выходить. Социальное направление как бы устремлялось далеко вперед и создавало методологический задел на будущее. Реальное направление той же самой политической экономии социализма предлагало не спешить, а осмотреться и тщательно изучить реальный фундамент, на котором предполагалось возводить будущее.

В этом и была заслуга всей советской политической экономии социализма. В том, что она пыталась развить теорию необычного состояния общества, которое еще находясь всецело в путях экономической необходимости, рвется из них к социалистичности.

Литература

- Абалкин Л.И.* Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения. М., 2000.
- Абалкин Л.И.* Взгляд в завтрашний день. М., 2005.
- Абалкин Л.И.* Россия: поиск самоопределения. Очерки. 2-е изд. – М.: Наука, 2005.
- Бессонов С.А.* Против выхолащивания марксизма. // Проблемы экономики, 1929, № 1.
- Бессонов С.А.* Заключительное слово. // Проблемы экономики, 1929, № 4-5.
- Бессонов С.А., Кон А.Ф.* (ред.) Рубинщина или марксизм. Против идеализма и метафизики в политической экономии. Сб. статей. – М.-Л.: Госиздат, 1930.
- Богданов А.А.* Вопросы социализма. М., 1918.
- Борилин Б., Леонтьев А.* (ред.) Против механистических тенденций в политической экономии. Сб. статей. – М.-Л., 1929.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранные тексты). – М.: Культурная революция, 2009.
- Бузгалин А.В., З.А. Корчагина З.А.* (ред.) Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века. *Материалы дискуссии.* – М.: Экономфак МГУ, ТЕИС, 2003.
- Булгаков С.Н.* От марксизма к идеализму. СПб., 1903.
- Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М.: Экономика, 1990.

- Воейков М.И.* Политическая экономия в Институте экономики. (К формированию «реальной школы»). – М.: ИЭ РАН, 2000.
- Воейков М.И.* Политико-экономические эссе. – М.: Наука, 2004.
- Воейков М.И.* Противоречия экономической идеологии «застоя»: борьба в политэкономии. // Застой. Дисконтенты СССР. – М.: ТЭИС, Культурная революция, 2010.
- Герцен А.И.* Сочинения в 2-х тт. – М.: Мысль, 1986.
- Гловели Г.* Политэкономия в широком смысле: элементы институционализма и утопизма. // Вопросы экономики, 2010, № 10.
- Гринберг Р.С.* Юбилей зрелости: дела и планы. Институту экономики РАН 80 лет. – М.: ИЭ РАН, 2010.
- Даниелс Р.* Взлет и падение коммунизма в России. – М.: РОССПЭН, 2011.
- Де Сото Х.* Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М., 2008.
- Дзарасов С.С., Меньшиков С.М., Попов Г.Х.* Судьба политической экономии и ее советского классика. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.
- Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 2. – Л.: «ЭГО», 1991.
- Кареев Н.И.* Основы русской социологии. СПб, 1996.
- Кирдина С.Г.* Блеск и нищета политической экономии социализма (гипотеза, основанная на институциональном анализе российского общества). // Журнал экономической теории, 2006, № 2.
- Клюкин П.Н.* Становление теории хозяйственного кругооборота в российской традиции экономического анализа конца XIX – первой трети XX века. *Автореферат докторской диссертации.* – М.: ИЭ РАН, 2012.
- Колганов А.И.* Что такое социализм? Марксистская версия. – М.: «ЛИБРОКОМ», 2012.
- Корнаи Я.* Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2000.
- Кронрод Я.А.* Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории. – М.: «Мысль», 1966.
- Кронрод Я. А.* Основы развитого социалистического способа производства (тезисы доклада). // Тезисы докладов на институтской научной конференции по проблеме: “Марксистско-ленинская теория развития социалистической экономики”. - М.: Институт экономики АН СССР, 1970.
- Кронрод Я.А.* Выступление на Политэкономической дискуссии 1966 года // Экономико-философские тетради. Вып. 2. М., 2004.
- Кузнецова Т.Е.* К истории Института экономики РАН (АН СССР): домислы и реалии. – М.: ИЭ РАН, 2005.
- Кузьминов И. И.* Очерки политической экономии социализма. От социализма к коммунизму. - М.: Мысль, 1980.
- Куликов В.В.* “Цаголовская школа” и ее нынешнее звучание. // Российский экономический журнал, 2004, № 4.
- Маневич В.Е.* Проблемы методологии политической экономии в советской литературе 20-х годов. – М.: Наука, 1970.
- Маневич В.Е.* Сталинизм и политическая экономия. // Подвластная наука? Наука и советская власть. – М.: Изд-во «Голос», 2010.
- Межуев В.М.* Социализм – пространство культуры. // Альтернативы, 1999, № 2.
- Мельник Д.В.* Вклад Е.А. Преображенского в теорию экономического развития. // Теория догоняющего развития Е.А. Преображенского и современность. К 125-летию со дня рождения. Под ред. М.И. Воейкова. – М.: ИЭ РАН, 2011.
- Некпелов А.Д.* Становление и функционирование экономических институтов. – М.: Экономистъ, 2006.

- Никифоров Л.В.* (отв. ред.). Смешанное общество. Российский вариант. - М.: Наука, 1999.
- Пашков А.И.* Вопросы экономической науки. – М.: Наука, 1973.
- Петраков Н.Я.* Общественная потребность и проблемы планового ценообразования. // Проблемы общественной полезности продуктов труда при социализме. (Доклады на сессии научного совета). – М.: ИЭ АН СССР, 1975.
- Покидченко М.Г.* Формирование «политической экономии социализма» (20-50-е гг.)// История экономических учений (современный этап). Под ред. А.Г. Худокормова. М., 1998.
- Преображенский Е.А.* Еще раз о социалистическом накоплении. //Вестник Коммунистической академии, 1925. Кн. XI.
- Преображенский Е.А.* Новая экономики (теория и практика): 1922-1928 гг. – М.: Изд-во Главархива Москвы, 2008.
- Ракитский Б.В.* Быль о том, как официальная политэкономия СССР выдумала идейного врага – «рыночный социализм» - и как с ним боролась. // Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор. Под ред. М.И. Воейкова. – СПб.: Алетейя, 2011.
- Рубин И.* Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. // Под знаменем марксизма, 1929, № 4.
- Рубин И.И.* Очерки по теории стоимости Маркса. – М.-Л.: Госиздат, 1929.
- Социология и экономика: от мифов к реальности. Материалы «круглого стола», посвященного 100-летию со дня рождения академика А.М. Румянцева.* – М.: ИЭ РАН, 2005.
- Судьба политической экономии. Материалы круглого стола.* М.: ИЭ РАН, 2005.
- Толкачев С.А.* (отв. ред). Политическая экономия как экономическая философия. Учебное пособие. – М.: ГУУ, 2009.
- Туган-Барановский М.И.* Очерки по новейшей истории политической экономии и социализма. СПб., 1905.
- Туган-Барановский М.И.* К лучшему будущему. СПб., 1912.
- Туган-Барановский М.И.* Социализм как положительное учение. Пг., 1918.
- Федоренко Н.П.* Вопросы оптимального функционирования экономики. 2-е изд. – М.: Наука, 1990.
- Хубиев К.А.* (ред.) О творческом наследии Н.А. Цаголова. К 100-летию со дня рождения. - М.: ТЕИС, 2004.
- Цаголов Н.А.* (рук). Курс политической экономии. Т. 2. Социализм. М., 1963.
- Цаголов Н.А.* (ред.). Товарно-денежные отношения в системе планомерно организованного социалистического производства. М., 1971.
- Цаголов Н. А.* Вопросы методологии и системы политической экономии. Избранные произведения. М., 1982.
- Цаголов Н. А.* Вопросы теории производственных отношений социализма. М., 1983.
- Черковец В.Н.* Политическая экономия. Принципы. Проблемы. Политика. Избранное последних лет. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2005.
- Чернов В. М.* Конструктивный социализм. М., 1997.
- Чернов В.М.* Социалистические этюды. М., 1908.
- Широкоград Л.Д.* Методологические проблемы политической экономии социализма в советской экономической литературе переходного периода. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
- Широкоград Л.Д.* Идеологическая борьба и развитие политической экономии социализма в СССР в переходный период. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.
- Экономические исследования Института: итоги и перспективы. Материалы «Круглых столов».* – М.: ИЭ РАН, 2000.

